

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ИЗГОНЯЮЩИЙ
БЕСОВ

Андрей Белянин
Изгоняющий бесов

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Белянин А. О.

Изгоняющий бесов / А. О. Белянин — «АЛЬФА-КНИГА», 2019

Если в душе ты – гот, по образованию – философ, по воинской специальности – снайпер и до сих пор ищешь себя, бросай всё, езжай на русский Север! В заснеженном селе под Архангельском найди могучего отца Пафнутия, и если сумеешь устоять на ногах, так быть тебе в тайном Ордене бесогонов... Это значит: крест на шею, молитвенник в руки, фляжку святой воды за пазуху, револьвер с серебряными пулями в карман – и вперёд, за странным доберманом по кличке Гесс! Честный, верный, болтливый! Система таких любит. P.S. Раньше я тоже не верил, что бесы существуют...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Андрей Белянин

Изгоняющий бесов

– Видишь от... беса-то?

– Нет.

– Наливай давай от, пей, ещё раз посмотрим. Теперь видишь?

– Нет, – честно икнул я. Всё бесполезно, потому что и пить больше не мог, не приучен, и бесы категорически отказывались появляться.

Но отец Пафнутий был неумолим. Он, вообще, настырный дядька, седой, бородатый и могучий, как первосвященники.

– Пей от, Федька!

– Не по-божески как-то получается...

– Так ты-то, поди, и не Господа увидеть должен. Пей-ка, кому говорят!

Я из последних сил опрокинул уже шестой гранёный стакан самогона.

Без закуски, если что! Сейчас сдохну-у...

Прежде чем мне предстоит сегодня в очередной раз рухнуть всем телом под стол в абсолютно невменяемом состоянии, наверное, стоило бы на минуточку заглянуть в прошлое.

То есть, так сказать, пролистать предысторию. Начнём с главного и основополагающего: зовут меня Фёдор Фролов, для друзей Теодоро или Тео, я философ и гот. Понимаю, что нет такой профессии, такой записи в дипломе и такой национальности, но тем не менее.

В своё время, благодаря первой пылкой влюблённости, я увлёкся неформальной культурой готов, отпустил волосы, ходил в чёрном и слушал «Эванесенс»¹. Также не меняя готических пристрастий, окончил университет по специальности история философии. Видимо, напрасно.

Поскольку данный предмет в наших реалиях абсолютно бесполезен и более того – вреден порой, образование ни на йоту не помогло мне, когда моя девушка-готесса в конце концов предложила взять паузу в отношениях из-за моей «недостаточной мужественности». Не знаю, что женщины вкладывают в это понятие, но, наверное, месяц или два (три, четыре) я пребывал в тоскливой прострации, нудно призывая смерть. Смерть не спешила...

Ну а потом по прихоти горячего нрава и после серьёзного философского спора с друзьями я послал всех, демонстративно уйдя в армию. Жёстко, уверенно, целенаправленно, по собственному желанию, просто потому что так оно мне на хрен было зачем-то надо, хвала сократовской лысине!

А когда моя девушка, сменив стиль готов на традиции родноверов, не дождалась меня (но вы и так поняли, что она не особенно старалась), мою бедную голову ещё круче качнуло в нелогичную сторону, и я остался на сверхсрочную (чтоб ей стыдно стало?!), после чего вообще подал официальное прошение о переводе в горячую точку.

Позывной «Гот», грязь и кровь, полтора месяца ада...

Отрезвление, как и понимание, что это вообще не моё, пришло именно там. Постепенно, не сразу, понукаемое смертью сослуживцев и хоть каким-то включением мозгов. Вся философия мира была против, но реальная боль всегда помогает осознать собственные проблемы во всей их красе. А осознав, можно уже принимать выстраданное решение.

После госпиталя меня, незадачливого снайпера-философа-гота с почётом комиссовали, повесив две новенькие медальки на грудь. Домой я вернулся не сразу, хотя армейской романтики мне хватило по маковку, но и к гражданке ещё предстояло привыкнуть.

¹ От *англ.* *Evanescence* («Эфемерность»). Американская рок-группа. – *Здесь и далее примеч. авт.*

А когда приехал в свой город и осмотрелся, то вдруг понял: мои родители практически не знают меня сегодняшнего, бывшим сокурсникам я неинтересен, повзрослевшим друзьям-готам тем более, моя девушка уже в преддверии второго ребёнка, и оба от разных мужчин... В общем, все так или иначе живут своей жизнью, как могут. Кроме меня.

Я же, так и не найдя себя в новом мире, вновь отпустил волосы, затягивая их в хвост, надел чёрный плащ, чёрный свитер под горло, чёрные узкие джинсы, чёрные сапоги на шнуровке и в таком виде направил стопы свои к вере. Рискованное решение...

Строгий поп из ближайшей церкви умудрился отбить меня от толпы агрессивных старушек и, благословив по-быстрому, отправил куда подальше в соседний храм.

В результате я обошёл, наверное, пять или шесть разных культовых сооружений, доставая служителей своим внешним видом и душевными проблемами, при этом ещё и яростно споря с ними. Мне нужно было заново обрести себя или хотя бы вернуть того, кем я был раньше, это казалось очень сложным, я искал помощи и не находил...

Пока эстетствующий отец настоятель кафедрального Владимирского собора, с которым мы пару раз цапнулись по поводу заповеди «не убий», не особо задумываясь, не «послал» меня фигурально прямой наводкой куда подальше, к чёрту на рога, да хоть под Архангельск.

Из чисто ослиного, готского, упрямства я потребовал адрес!

Не менее упёртый батюшка продиктовал с листа. Всё.

Дурацкая привычка исполнять приказы сработала на автомате, денег на билет хватило, и в конце концов меня приняли на испытательный срок послушником в маленький мужской монастырь. Где, к стыду моему, мне удалось продержаться меньше месяца (недели две, если честно), после чего за «бесовский внешний вид», излишнюю горячность и неподобающую чину дерзость меня перекидывали по соседям раза три, пока...

Пока не загнали совсем уж в северную глушь, в заброшенное село Пияла, где при Воскресенском храме служил отец Пафнутий, известный пьяница, скандалист и бесогон.

По крайней мере, именно так он сам мне отрекомендовался. А поскольку из этого чудесного северного сельца можно было выбраться в район лишь по весне, когда с реки сходил лёд и снег открывал дороги, то как минимум ещё два-три месяца мне предстояло получать уроки трудотерапии, смирения, добродетельности, чистоты, медитации... и махрового алкоголизма.

Первое время я именно так и думал. На деле же...

– Вижу.

– Чегось сказал-то?

– Беса вижу. – Сначала я не поверил собственному голосу, а уже потом глазам.

Вокруг стопки отца Пафнутия вдруг материализовались два маленьких беса, не более пяти сантиметров росту. Бесстыже голые, с блестящими сияющими задницами, маленькими рожками, козлиными копытцами, на кривых волосатых ногах, с задорно приподнятыми ослиными хвостиками.

– Хорошее дело, паря. От, стало быть, глазастый ты, – одобрительно прищёлкнул языком седой старец, пригладил длинную белую бороду и уточнил: – А цвета-то они какого?

– Зелё-о-о... ные. Ик!

– Опять не соврал. Зелёного-то беса ты от смело хватай. – Отец Пафнутий мгновенно взмахнул левой рукой, словно ловил муху, и несчастный бесёнок завизжал в его кулаке так тонко и противно, что аж уши резануло.

– А как зелёного-то беса поймаешь, перекрести от его и отпусти. Нехай ужо!

От крестного знамения бесёнок пошёл мелкими красными пятнами, его явно замутило, а потом, спрыгнув с раскрытой ладони на стол, он вдруг кинулся охаживать своего же сотоварища маленькими кулачонками, вольно и творчески ругаясь грязным русским матом.

– Ты-то слушай, слушай от, паря, да на ус мотай, – наставительно поднял палец мой духовный наставник, – образованию ради. Порой нечисть таковые-то конструкции матерные

строить, что ажно зависть берёт. Я-то, было дело, даже в книжечку кой-чѐ записывал, чтоб не подзабыть. От!

Меж тем зелёно-красный бес изрядно отлупил чисто зелёного, обратив его в позорное бегство под лавку, и с умильной рожицей полез целовать бутылку с самогоном.

– Вот энтого не позволяй. – Старец Пафнутий ловко отвесил бесѐнку звонкого щелбана, отправив его по параболе туда же под лавку. – Бесам от пить нельзя, они с того совсем башку-то теряют.

– Понял, – хотел сказать я (или сказал, или подумал, не уверен), протягивая руку к стакану, но он (стакан) почему-то ловко увернулся.

Я попробовал ещё раз его поймать, но сказка про Федорино горе повторилась снова. Обидно, досадно, но ладно. Через полчаса ещё попробую.

– Довольно от с тебя, сын божий, – мягко прогудел мой наставник. – Ложись-ка ужю. Завтра с утречка помолимся, да и продолжим твоѐ ученичество. Глядишь, и сумею из тебя, неформала непутѐвого, доброго от бесогона сделать.

Я поднялся, потряс головой, отвесил низкий поклон, едва не ткнувшись лбом в пол, и молча отправился на лавку. «Худшее» проследило за мной нахмуренным взором, не поднимая морду с лап, рыкнуло для порядку, и всё. В смысле на сегодня обошлись без воспитательных «кусь-кусь» или «лизь-лизь».

Речь о собаке, разумеется. У старца Пафнутия в избе жил двухгодовалый пѐс, но о нём позже... сплю... простите. Главное было, падая плашмя, не промахнуться мимо своей кровати в дальнем углу у окна. Я промахнулся, упс... или бумс?! Спать, короче...

Сновидений не было, после пафнутьевского самогона обычно просто проваливаешься сквозь матрас, лавку, пол, фундамент и засыпаешь в тепле где-то на уровне ядра Земли. Тихо, мирно, ни о чём на свете не беспокоясь. Сны в данном контексте лишние, право слово.

Рано утром, часов в пять-шесть, меня разбудил холодный кожаный нос, тыкающий в шею. Это опять Гесс, выгуливать его – одна из моих прямых обязанностей по дому. Старец рассказывал, что пару лет назад в район зачем-то приезжало высокое начальство из Москвы и привезло с собой беременную суку-добермана.

Видимо, кому-то очень надо было избавиться от породистой собаки, поскольку её «случайно» забыли на показательной частной ферме. Брошенная псина родила четверых щенков.

Не знаю её судьбу и как выжили в наших северных широтах остальные, но вот один малыш, Гесик, достался старцу Пафнутию. Который, кстати, не хуже любого опытного ветеринара купировал ему хвост, правильно подрезал и поставил уши, так что к моему приезду двухлетний жеребѐнок уже был страхом и гордостью всей деревни.

– Я встал. – Мне пришлось быстро подняться, не дожидаясь, пока Гесс, уязвлѐнный моим равнодушием и нежеланием поиграть, пустит в ход зубы.

Нет, он ни капли не злой, даже наоборот, жутко дружелюбный пѐс в шикарном ошейнике ручной работы с серебряными крестами и тиснёной молитвой «Спаси и сохрани». Ошейник заказал сам старец и велел не снимать, поскольку именно слова «спаси и сохрани» первыми приходили на ум при виде клыков этого зверя. Кто видел, тот поймѐт.

Но Гесс очень добрый пѐсик, именно поэтому искренне не понимает и огорчается, почему кто-то отказывается погладить его моластый зад или отдать «голодной собачке» всю свою еду за столом. А обиженный доберман – это, знаете ли, всегда чревато...

– Глажу, глажу, – поспешил я заняться своим первоочередным делом наутро. – А теперь идѐм гулять!

Пѐс в восторге облизал мне лицо и рысью упрыгал в сени, вернувшись со своей гулятельной фуфайкой и зимней солдатской шапкой в зубах. Мою обычную одежду составляли те же чѐрные джинсы, чѐрный армейский свитер и вполне себе готическая чѐрная ряса. Пол-

часа беготни по двору, счастливого лая, кубометров взрытого снега, сбивания меня в сугроб, пометки всех важных столбиков, утверждения, что жизнь прекрасна, – и бегом домой греться.

Молитва, умывание, завтрак всегда шли следом в произвольном порядке.

Отец Пафнутий, надо признать, был довольно прогрессивный дед, так сказать совершенно не страдающий агрессивным «православием головного мозга». Вот уж для кого слова «Бог един, Бог во всём, Бог есть всё сущее на земле» были непререкаемой аксиомой!

Он находил общий язык с любым нетрезвым атеистом, заигравшимся неформалом или религиозным фанатиком, меж тем оставаясь абсолютно целостной и самодостаточной личностью. Старик словно бы видел саму душу человека изнутри, всех понимая и никого не осуждая, и, быть может, именно поэтому ему безоговорочно верили.

Как поверил и я, когда он хлопнул меня тяжёлой ладонью по плечу и сказал: быть тебе от, Федька, бесогоном!

– Гесс, отстань уже, совесть есть?

Доберман поднял на меня изумлённый взгляд, буквально вопиющий: как, человек, неужели тебе не нравится гладить мой зад? А хочешь нос? А хочешь, лапку дам? И вторую дам, только ты гладь, да?! А не то кусь тебя, кусь!

– Геська, знай своё место! – прикрикнул отец Пафнутий, и пёс, покаянно опустив жёлтые брови, вернулся на свою лежанку поближе к печке.

– А ты, паря, от бы построже с животинкою-то. Он от слабины чует и туды носом, как к мамкиной сиське. Ему, вишь ли, волю-то дай, дак он у тебя на ручках спать будет и шагу ступить не даст, не бросай, дескать, от его, любимого, одного дома. Собачке ж оно скучно да страшно. Сиди от рядом всю жизнь, корми да гладь! Зверьё-то, оно хитрое...

Доберман так округлил глаза, словно был сражён в самое сердце столь несправедливыми словами. Он же умереть готов ради хозяина! Вот прямо сейчас ляжет и умрёт! И пусть вам всем потом будет стыдно! Вы там, кстати, не за стол садитесь ли, бесчувственные люди?!

– А ты ешь от, да на ус мотай, – продолжал старец Пафнутий примерно через полчаса, когда я умылся, причесался, помолился, возблагодарив Господа за хлеб наш насущный, и получил свою миску пшённой каши с маслом и мёдом. Наш обычный завтрак.

На обед – густые щи без мяса или суп гороховый с грибами и луком, так чтоб ложка стояла, на ужин – отварной картофель с рыбою, самой простой местной сельдью, треской, щукой. Но бывает порой и просто жареная картошка без всего.

Те, кто думает, что церковь гребёт деньги лопатой, вряд ли заглядывают в маленькие приходы на сорок – пятьдесят дворов с общим населением меньше пятисот душ, где батюшка трудится наравне со всеми, а всех прихожан – три десятка бабулек да на них же три-четыре пьющих старика. Молодёжь в массе в райцентре, а те, кто поумнее, давно в городе. Но иногда именно в такой вот забытой властями глубинке и происходят настоящие чудеса.

И ведь не то чтобы именно здесь я вот так сразу взял да и обрёл себя, но иначе, чем чудом, всё то, что со мной здесь происходило, назвать трудно. Ну, быть может, если только следствием кратковременного оголтелого алкоголизма? Не знаю...

– Записывай али запоминай, Федька, мне от оно без разницы. Зелёного беса хватай смело, он не укусит, а ежели от и обгадится со страху, так ты тут же водицею горячею руки обмой, да и всех делов.

– С мылом или без?

– С мылом завсегда лучше, а коли спиртом протереть, так от вообще красава, – мечтательно покачал бородой отец Пафнутий. – От красные бесы, они-то куда опасней будут. В ладони сожмёшь его – он жётся, проклятый, а перекрестишь – дык воняет, хоть всех святых выноси! Красных-то сразу святой водой обливать надо, они от с того худеют на глазах и ползут на четвереньках откуда вылезли.

– Записал.

– Окромя того, ещё есть бесы голубые, жёлтые, чёрные, рыжие, лысые, пятнистые да от и полосатые, как тигры амурские, – удовлетворённо поглаживая себя по животу, вспомнил батюшка. – Но то ж всё бесы малые, таковых от либо матюками жестокими либо молитвою Божьей изгнать можно. А коли бесы большие, те, что и в рост человека от выходят-то бровь в бровь, те несравненно опаснее, и биться с оными ох как непросто.

– У меня два месяца в горячей точке за плечами, – на всякий случай напомнил я.

– Да ты от что ж, бахвалиться передо мною решил, что ли? – от души удивился святой отец.

Впервые на моей памяти он, встав из-за стола, полез куда-то в сундук, долго рылся там, а потом выложил передо мной орден Красной Звезды, две медали «За отвагу» и яркую маленькую Звёздочку Героя Советского Союза.

– Откуда, отче?!

– Да от на базаре-то в Архангельске прикупил по случаю, – язвительно отозвался Пафнутий. – Может, не ты один про военную-то жизнь знаешь. От тока что я тебе про ту войну скажу: медальку получить большого ума не надо. На одного-то полевого генерала шестерых штабных дают. И тут от как ни верти, а тока без бесовского участия такие дела не делаются.

– Декарт мне в печень.

– Ты рожу-то не криви, не ровён час, от с такой и похоронят. А я даже отпевать не стану, уж дуже она у тебя противная выкроилась, хоть на пугало лепи ворон по весне распугивать. Говорю те, бесы энто! Они-то слабого человека под себя подминают, советы богомерзкие ему на ухо шепчут, карьеру обещают, благости всякие, а он и рад за то гадости ближним строить.

Я бы, наверное, мог и поспорить, конечно. В разных странах и разных религиях мира бесы выполняют далеко не одинаковые функции. Но, с другой стороны, кто же из нас не знает людей, получающих чины и награды в обход всего на свете, без логики, совести, за красивые глаза и по просьбе сверху.

– Ты тока не путай «сверху» и «свыше», слова похожие, а вещи-то от разные, – подмигнул мне седой наставник. – Ну, чё ли сыт уже поучениями-то? «Суха материя, друг мой, а древо жизни буйно зеленеет!» Давай-кась от по маленькой, да и за практику. С богом!

Обнаруживать бесов без алкоголя я пока всё ещё не мог, для этого требовались святость и практика не моего уровня. Поэтому дни, недели, месяцы моего учения проходили в стиле китайских фильмов о «пьяном мастере». Вы видели, уверен.

Вот только наш боевой старец в самогоне уже не нуждался и пил исключительно для того, чтобы показать мне всю суть правильного обучения бесогона, помочь раскрыть свои возможности, выявить потенциал, разобраться в себе. Тем более что периодически довольно сложные мистические задания чередовались у него с вполне себе даже весёлыми.

– Гаси от его, гаси! Бей от ремнём по волосатой заднице, без жалости и сострадания, – счастливо орал отец Пафнутий, стоя на табурете, пока я, как взмыленный индеец, гонялся по всей избе за коричневым в проплешинах бесом, охаживая его солдатским ремнём с пряжкой. – Не жалеи от паскудника-то, паря! Всеки ему с плеча промежду ног козлиных сапогом! За меня, от души, по-православному... Ай же молодца-а!

Коричневый с проплешинами бес, визжащий словно бормашина, как помнится, отвечал за рукоблудство. Не самый редкий грех, а по мнению большинства врачей-сексологов, и вовсе прямо-таки естественная потребность любого культурного человека.

Простой народ Архангельской области, видимо, не был в курсе данных достижений и не считал рукоблудство национальным достоянием. Поэтому беса, пойманного за склонением человека на это дело, следовало не крестить щепотью, не обливать святой водой, не отчитывать молитвами и не изгонять матом, его надо было тупо бить!

Драться меня в армии научили, не так эффектно, как в кино, но тем не менее эффективно. Коричневого беса следовало лупить чем попало до тех пор, пока не исчезнет. Он же в свою очередь (сволочь эдакая, кафкианец!) рожи корчит, плюётся, ругается, язык показывает.

Погоня затягивалась, но, когда в игру включился дружелюбный доберман, горница заполнилась лаем, рыком и страстями. Вдвоём мы быстренько загнали рогатого в зюю!

– А энтэ чего ж было-то? – несколько удивился старец. – Я и не думал от, что пёс его тоже видеть может. Дык, с другой стороны, оно ж с собакою-то, поди, и веселее?

Мы с Гессом отдышались и, не сговариваясь, хлопнулись лапой в ладонь.

Но были и иные дни, когда я пунктуально и молча вёл дословную запись под диктовку в толстую тетрадь, тщательно классифицируя все виды известных бесов по цвету, росту, мощи, вредоносности, противостоянию и прочим параметрам. Это надо было знать наизусть.

– Синий бес – пьянь непрсыхающая! Стыдить от его без толку, замаливать тоже, а материть от самое то! Он ить пьяненький ластиться любит, думает, что его жалеть станут да подливать, а ты ему матюками промеж ушей, ровно баба сковородой али скалкой по затылку!

– Сиреневого чёртика зря не бей, он с того только в ширину прёт да на тебя же пузом давит. Плюй ему в глаза! Хоть разок попадётся, всё, сдался, лапки опустил, да и потёк от, копытцами стуча, в ад опозоренным...

– Голубой бес – энтэ штука тонкая, натура нервная, даже порой творческая. Бить от нельзя, ругать нельзя, молить тоже, а вот хватай его, да и целуй взасос! И не фу-у! Фукает он мне тут. Чмокнул разок голубого, тот затошнился, заплакал-то и бежать всему миру жаловаться. Бесогон от на всё пойдёт, чтоб беса изгнать...

Я тщательно фиксировал всё. Во-первых, это действительно было интересно, во-вторых, вся теория для меня практически сразу же подтверждалась полевыми испытаниями. Господи Боже, Пресвятая Матерь Твоя и все Святые Отцы скопом, каких только бесов и чертенят мы не гоняли-и...

Сразу уточню для малообразованных или слабоверующих: черти и бесы не одно и то же.

Многие серьёзные исследователи уверенно пояснят вам, что «чёрт» – это оттого что «чёрный», а «бес» – это видоизмененная приставка «без», то есть «отрицание», «против всех», «безумие, безальтернативность, бесконечность». И отчасти это соответствует истине.

По крайней мере, все встреченные мною бесы вечно были «против чего-то». Против человека, против его здоровья, против всего лучшего на свете, да и вообще против чего угодно, лишь бы против! Бесов, которые «за», попросту не бывает, по сути своей эти твари слишком примитивны для азартной игры более чем в два хода. Поэтому их бьют.

Вот черти – это очень серьёзные противники. Тут всё куда опаснее и по-взрослому. Отец Пафнутий тоже с этим не шутил и всегда заранее предупреждал:

– Запомни: ты, паря, бесогон! Твоя задача мелких бесов гонять, а вот коли вдруг, не приведи боже, тебе от с настоящим-то серьёзным чёртом схлестнуться достанется – беги, Федька! Беги не оборачиваясь до святой земли при храме али на кладбище. Но при храме-то оно спокойней, на погосте – они там же и закопать могут, не все от могилки освящены, а опытный нечистый и по святым крестам порой скакать может. Чертей от берегись. Но пуще того берегись демонов! С ними, поди, и пресвятые угодники-то не всегда справлялись, куда уж нам нам-то, грешным...

И он был прав. Даже в обучении этому редкому ремеслу изгнания бесов ученика не раз подстерегали жуткие опасности и весьма серьёзные проблемы. Как бы философски лично я ко всему этому ни относился, но оно тем не менее имело место быть...

– Терпи, казак, а то мамой будешь, – язвительно рассуждал старец Пафнутий, забинтовывая мне прокушенную полосатым бесом кисть руки. – Зубы-то у мерзавца длинные, дык тебе его по ним в первую очередь и бить надобно. Не в лоб от, а по зубам!

Я кивал. Сам укус был не особо болезненным, но чесалось так, что хоть на стенку лезь.

– Вот раньше-то было, при Филарете, мы ж бесогонов молодых на практику в самую Киево-Печерскую лавру отправляли. От уж там-то была учёба так учёба! На одной Лысой горе парни за ночь стока ума набирались, что хоть сразу с порога в профессора богословия иди! Теперь от нельзя, всех наставников на Север перевели, а тут у нас разброс мелких бесов-то куда как меньше. С того и коленкор не тот.

– А сколько их вообще? – дерзнул поморщиться я.

– У сатаны спроси, уж он-то небось лучше знает.

– Что ж, спрошу при случае.

– Молчи, дубина. – Рука наставника, отвесившая мне мгновенный подзатыльник, была крепкой и тяжёлой. – Язык от без костей! Мелешь ересь всякую! Не приведи те господи с самым Князем тьмы один на один встретиться, то тока Иисусу Христу, Сыну Божию, под силу было. Ты от хоть бесов гонять научись, и то с того польза великая. Бахвал, свиристелка берёзовая, тьфу-у!

Мне оставалось только чесать в затылке. Кто я был тогда, чтоб с ним спорить?

Отец Пафнутий долгие годы ходил в авторитете, архангельская школа бесогонов была известна всем знающим людям не только в России, но и в большинстве православных стран. Те же сербы, болгары всегда у нас учились. И дешевле, и качественней.

Иногда к нам в Сибирь и на Север присылали даже молодых католиков из Польши и Чехии, тоже языки славянские и опыт борьбы с бесами похожий. В том смысле, что и у них с нечистью не церемонятся, к толерантности не призывают, а бьют чем попало промеж рогов не хуже, чем мы тут от души стараемся.

Известные экзорцисты (те же бесогоны по факту) есть в испанской школе, в португальской, в уэльской. Но там методы другие, там всё больше на заклитиях построено, чем на молитвах.

Впрочем, говорят, на цивилизованном Западе, в ряде стран, всё иначе, теперь там присутствие мелких бесов-советчиков даже на заседаниях парламента не считается чем-то вопиющим, но...

У них своя жизнь, у нас своя, а не лезть со своим уставом в чужой монастырь меня научили быстро. Причём без каких-нибудь там анафем, покаяний и прочего. Отец Пафнутий никогда не смешивал физическое с духовным, то есть с его точки зрения за любой ляп в религиозном смысле (торопливую молитву, недостаточное усердие при чтении святоотеческих книг, колбасу во время поста или ещё что подобное) не следовало наказывать духовно.

Духовного наказания вообще быть не может, это бред! Как можно наложить епитимью в виде стократного прочтения вслух «Отче наш»?! Молитва к Господу – это радостное обращение к Отцу, а никак не монотонный бубнёж в стиле американских мультиков «Барт Симпсон, напиши сто раз на доске: «Я плохой мальчик!».

Нет, старец честно разделял душу и тело, поэтому за мои всевозможные проступки в учёбе или в церкви наказание было одно: не умеешь работать головой, работай руками. В избе приberi, обед свари, дров наруби, печь истопи, баньку приготовь, Гесика лишний раз выгулай. Последнее, кстати, было одним из самых серьёзных испытаний.

Если кто хоть раз выгуливал добермана, то знает – эта собака (в хорошем смысле слова) ни минуты не сидит на месте. Бегаёт, носится кругами, прыгает выше головы, ловит палки, гоняет любую встречную живность (один раз на моих глазах Гесс даже медведя обратно в лес прогнал!). Ещё доберман требует, чтобы вы с ним играли, задирает всех прохожих, не пропустит ни одного автомобиля и вообще воспринимает весь окружающий мир исключительно собственной вотчиной, где он единственный, полноценный и во всём правый царь, король, монарх, владыка, бог!

Может, у кого-то из собаководов иначе, но наш Гесс был именно таким. То есть зимний выгул этой весёлой псины в армейской шапке и мини-телогрейке всегда был знаковым событием едва ли не районного масштаба.

– Ну что ж, паря, – где-то после середины января объявил мой седобородый наставник. – Учёбу твою на деле проверять надо, пора от тебе в свет выходить. Вона намедни-то в церкви старуха Тулупова жалилась: от будто бы внучка ейная Прасковья, тридцати семи годков, сама себя от под одеялом трогает, а опосля стонет на всю избу, хоть врачей вызывай. И что сие может быть?

– Бес рыжий, бесстыжий, – на зубок отгарабанил я. – Изгоняется матом, а ещё лучше церковным браком.

– Какой ей брак? Бедняжке от четвёртый десяток пошёл, холостых мужиков-то на деревне нет, по сей день в девках. Разумеешь ли?

– Жениться на ней, что ли?

– От ить дурья башка! – Отец Пафнутий в сердцах замахнулся на меня сковородкой, но я увернулся. – Нешто ты один на всех женишься? Иди вона от беса изгоняй!

– Э-э... а вы со мной?

– А то! Как же я тя одного-то, необстрелянного, под засидевшуюся девку брошу? Вместе пойдём. Да уж и ты от не оплошай, Федька!

В общем, как вы поняли, в тот день настал момент истины. Смогу ли я спокойно посмотреть в жёлтые глаза тигра, прежде чем спустить курок? Потому что одно дело – видеть собственных зелёных бесов после пьянки и совсем другое – суметь изгнать их на трезвую голову из ни в чём не повинного живого человека.

Тем более из женщины!

Ибо, по словам моего наставника, каждая женщина суть земной прообраз Богоматери и завладеть ею для любого беса мечта всей жизни. Тем паче что мужчина с иным влиянием в себе до последнего борется, а дуры-бабы (не мои слова, цитирую Писание!) постороннюю жизнь в себе воспринимают как Богом данную и потому люто противятся любому изгнанию из них беса. Вот такой странный перекосяк в сознании, гендер, чтоб его...

Собирались мы недолго. Рыжие бесы в противостоянии не особенно опасны, а свою рабочую тетрадку я заранее заложил спичкой на странице с подходящими матерными выражениями. Тут кстати пришлось и моё гражданское (читай: философское) образование. Я легко мог послать в... или на... в лучших традициях Аристотеля, Канта или Розанова. И пусть это выглядело несколько заумно, но на бытовых бесов действовало безотказно. Мелкая нечисть падала, задрав кверху копытца, теряя сознание в стабильной прогрессии. Мой духовный наставник, усмехаясь в бороду, всегда говорил, что главное – результат! А уж метода может быть у каждого своя...

Поэтому, когда мы втроём (Гесс, естественно, не позволил оставить себя дома), пройдя по снегу полсела, добрались наконец до дома Тулуповых, я буквально чесался во всех местах в предвкушении грядущей схватки. Страх не было, но сегодня мне предстояло разбираться с бесом один на один, без чьей-либо помощи или совета. Я вновь почувствовал себя на войне...

Дом был старый, ещё сталинской постройки, и проживали в нём три женщины. Невежливо древняя, худюшая, краснощёкая бабка из породы «не дождётесь», полная хозяйка за шестьдесят с хвостиком, под сто пятьдесят здорового веса, и, так сказать, сама девица.

Её мы пока не видели, но остальные с поклонами приняли визит отца Пафнутия, руку не целовали, но крестились истово.

На меня поначалу никто внимания не обращал, кому я нужен. На Гесса обратили сразу.

– От же крокодил-то страшный! Ишь как глазищами зыркает, аж жуть...

– А вы проходите ужо, батюшка! Согреться ли с дороги не желаете, ить каков мороз трещи-ит, а?

– Здоровья ради не возбраняется. – Перекрестясь, отец Пафнутий ещё в сенях принял рюмку водки для здоровья. Хряпнул от души, занюхав рукавом, и не поморщился.

Ну, если, по его же словам, весна наступит приблизительно только в конце мая, понятно, что мёрзнуть и простужаться тут категорически никому не улыбается.

– Хм, исключительно святого дела ради, но от не для убожения грешной-то плоти.

– Закусить от огурчиком али салом бы? – подкатилась полная хозяйка с подносом.

– Довольно, не трапезничать от пришли, – важно ответил старец, огладив бороду, потом сбросил тулупчик мне на руки и, не разуваясь, попёрся прямо в дом. – Где ваша больная-то?

– В горнице девичьей, – быстренько перехватила инициативу старуха, подталкивая нас обоих в дом и кивая на левую половину. – Уважь от, батюшка Пафнутий, избави девчоночку-то невинную, убереги от нечистого...

– Нет, матушка, ужо от за меня паря мой пойдёт, Федорушка, – категорически удержал обеих женщин мой наставник. – Бесов-то прогонять – дело для молодых да резвых.

– А чегой-то монашек твой в чёрном весь? Чернец, чё ли?

– Гот, – буркнул отец Пафнутий.

– Энто кто, прости господи?! – на всякий случай перекрестилась бабка.

– Это неформальная субкультура, – попытался объяснить я. – Готика с латыни – это тайна, мистика...

– Себе на уме, стало быть. Да уж как молодёхонек он, поди, и опыта нету!

– Опыт – дело наживное, – отмахнулся батюшка.

– Ой, рази ж можно монаху-то к скромной девице в комнатку-то одному без присмотру заходить? Грех-то какой...

– Какой в том грех? Нет от никакого греха! Да и немолода девица уж, за третий десяток перешагнула.

– Тады, может, мы их с монашком твоим и того... – бодро воспрянула бабка, но отец Пафнутий был непреклонен:

– Федьку не дам, и не надейся! Не для того я ученику от знания тайные в башку-то вбиваю, чтоб он по сёлам ваших девок распечатывал. Тьфу на тебя, старая!

– А что ж я? Ить оно богоугодное ж дело...

– Даже помыслить не смей, прокляну!

– Ой, свят-свят...

– От то-то же. – Могучий старец мягко отклеил меня, от шока вжавшегося в стену, и подтолкнул к дверному проёму, занавешенному старенькой ситцевой тканью. – Иди ужо, паря, не робей. На помощь от не зови, сам управляйся.

– А если эта девушка... ну, сама на меня?..

– Тады зови, одному-то тебе нипочём не отбиться!

Ободрённый этим напутствием, я откинул занавеску и, образно выражаясь, шагнул в опасное царство Цирцеи, пахнущее женским теплом, малиной, хлебом и северными травами.

В маленькой комнатке с одним окном и полом, застеленным домоткаными дорожками, скромно потупив очи, сидела на кровати рослая девушка. Старше меня лет на десять или больше, с толстой косой, широким лицом и почему-то в одной ночной сорочке длиной почти до пят.

Последнее меня немножко смутило. Обета безбрачия я не давал, не монах же, а всего лишь послушник, но всё равно ради изгнания бесов раздеваться в принципе необязательно.

Я мягко выдохнул, всё равно начинать как-то надо, попробуем расположить пациентку.

Тьфу, идиотская во всех смыслах фраза!

Попробую ещё раз и покороче.

– Добрый вечер, э-э... Прасковья?

– Агась, – тихо ответила она.

– А я Фёдор, послушник, ученик отца Пафнутия. Он просил... ну, вы в курсе, да?

– Агась.

– Значит, сейчас мы... – Я сбился, совершенно не зная, как действовать дальше.

Врачам проще, их всё-таки учат разговаривать с пациентом, но меня-то учили совершенно другому. Однако приступить к изгнанию беса всё равно надо. Вот только эта тонкая женская рубаша с вышивкой на голое тело меня явно отвлекала...

– Вам не холодно?

– Агась?

– Ну в смысле, может, накинете чего? – беспомощно пролепетал я и сдался под её удивлённым взглядом. – Понимаете, мне нужно вас осмотреть, чтобы понять причину вашего, этого... Типа как доктору, не совсем, но...

– Агась! – радостно откликнулась немногословная девица, резво встала на пол и одним махом стянула сорочку через голову.

Мне в лицо ударило таким настоявшимся жаром, что я чуть не упал.

Кое-как сумев выровнять дыхание и волевым усилием приглушить грохот собственного сердца, я сунул руку в сумку, достал Псалтырь, полбутылки водки, церковную свечу и спички. Вроде бы ничего не забыл? Ну, нет так нет, справимся чем бог послал.

Сначала я молча перекрестился, потом храбро выпил из горла, зажёг свечу и, красноречивым жестом заткнув рвущееся из уст Прасковьи «агась?», быстро начал читать вслух:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли... И ныне и присно и во веки веков...

«Аминь» сказать не успел, потому что буквально в то же мгновение откуда-то из-под колена девушки материализовался крохотный огненно-рыжий бесёнок, побежал по её бедру, уселся на плече и, свесив ножки, показал мне язык.

– Ах ты ж, сволочь мелкая...

Если вы помните, то рыжих бесов похоти отваживают матом, но этот был столь нагл и бесцеремонен, что я невольно замахнулся на него Священным Писанием. Невинная Прасковья сдуру радостно взвизгнула, из-за занавески мгновенно вынырнули её мамаша со своей мамашей, любопытный доberman, а вслед раздался крик отца Пафнутия:

– Дак то не рыжий бес, дубина, то оранжевый! У его цель-то иная, его от и бить не...

Поздно. Я попал, с размаху прихлопнув оборзевшего бесёнка тяжёлой книгой прямо на левом обнажённом плече перезрелой девицы Тулуповой...

Сама она от моего удара даже не пошатнулась, стоя как мраморная греческая кариатида, а вот в комнатке резко потемнело, после чего неожиданная вспышка света резанула по глазам...

– О, смотрите, ещё один.

– Нэ адын, батано, а с сабакой!

Ничего не понимаю. Кто-то заботливо похлопал меня по щекам и столь же резко убрал руки, натолкнувшись на недовольное собачье ворчание.

Я открыл глаза. Закрыв их. Протёр. Снова открыл.

Картинка не изменилась, но увиденное ни капли не обрадовало.

Белый коридор. Блёклые нейтральные обои. Лампы дневного света под потолком.

Дверь. Одна, белая, без всяких опознавательных знаков.

На узкой длинной лавочке, словно в очереди на приём к терапевту в поликлинике, сидят трое мужчин. Один бритоголовый в мятых рыцарских доспехах и плаще Тевтонского ордена, второй загорелый, с дредами, в тёмных очках, простых джинсах и рубаше гавайского образца, третий вообще почти голый, а всё тело у него раскрашено татуировками, как у древнего воина майя. Колоритные ребята, каждый как с картинки.

Последним сижу я, дурак дураком, ничего не понимаю, в руках книга, на плече сумка, а прямо передо мной виляет обрубок хвоста верный Гесс.

– Шо, братуха, первый раз здесь? – хмыкнул рыцарь, и остальные подбодрили меня снисходительными улыбками. – Та не дрейфь, где наша не пропадала!

– Э-это рай... или... мы все умерли? – спросил кто-то. Видимо, я.

Все дружно загоготали.

Ладно, допустим, я сморозил глупость. Но ржать-то чего, нельзя нормально объяснить?

Гесс нервно гавкнул на хохочущих во всю пасть, и парни мигом примолкли. Что ж, хоть кто-то здесь на моей стороне.

Меж тем из дверей неизвестного кабинета послышался металлический голос:

– Следующий.

Тевтонец встал, подмигнул мне, оправил плащ с чёрным крестом и шагнул вперёд. Дверь открылась и закрылась без звука. Что же у вас тут происходит, а?

– Бесогон? – Голый мужчина в наколках протянул мне руку. – Не бойся, бесобоем будешь, как мы! Ты, вижу, прямиком с первого задания. Завалил?

– В-возможно, – чуть сбившись, ответил я, автоматически пожимая его ладонь. – Понимаете, там должен был быть рыжий бес, а получается, оказался какой-то оранжевый.

– Вах, знаём таких, – поддержал разговор парень в гавайке. – Матом нэ вазьмёшь, дарагой, я их крестом святой Нинон бил. И тоже папал, э-э!

– А я Святым Писанием ударил...

– Следующий.

– Пара мне, да, – привстал «гаваец» с грузинским акцентом. – Пашёл на задание, будете в Тбилиси, захадите, как братьев приму, стол накрою, шашлык, хинкали, хачапури, сациви. А вино-о, вах! Просто сказка будет, а не вино-о!

– Следующий!

Приглашаемую сторону сдуло, как муху вентилятором. Оставшийся собеседник в наколках осторожно протянул руку, намереваясь погладить моего добермана, но, встретившись с ним взглядом, передумал.

– В общем, ничего не бойся. Ты не умер, никто из нас не умер. Просто считай, что перешёл на другой уровень, попал в Систему. Твой учитель не рассказывал тебе о братстве Ордена бесобоев?

– Нет, отец Пафнутий ничего такого не...

– Ха, так старик жив ещё?! – заметно обрадовался голый. – Я знал его, видел в деле, знатный бесогонище был, пока от дел не отошёл. Вот уж не думал, что он в наставники пойдёт, дядька-то педагогическим терпением не отличался ни разу.

– Следующий.

– Всё, держись. За мной пойдёшь.

Мы с Гессом тоскливо уставились на белую дверь без всякой надписи, за которой исчез уже третий человек. Странно это всё-таки: туда заходят, оттуда не выходят. Ещё какой-то Орден бесогонов, о котором, получается, мой наставник знал. Не мог не знать, раз его там знали!

Пёс опустил голову и ткнулся носом мне в колено. До меня вдруг дошло, что я почему-то совершенно не обратил внимания на то, как он сюда попал. Если я накосячил и меня забрали в какую-то там Систему, то при чём тут ни в чём не повинный пёс отца Пафнутия?!

– Сам в ахрене, – тихо признался Гесс.

– И не говори, – вздохом ответил я, прежде чем понял, что, собственно, произошло.

Доберман разговаривает! Представьте себе на минуточку, в каком же я был раздрае чувств, если вдруг воспринял это как должное, не испугался, не впал в истерику, не полез на

потолок, не кинулся переспрашивать или звать на помощь доктора. Двух, психиатра и ветеринара!

Хотя человеку, видевшему бесов, наверное, можно и не удивляться говорящему псу...

– Следующий.

Повинуясь зову металлического голоса, я быстро встал, оправил ряску, пригладил волосы и, сунув в сумку Псалтырь, решительно взялся за ручку двери. Гесс с надеждой потянулся за мной.

– Ждать. Сидеть и ждать, – приказал я.

– А вдруг мне будет скучно и одиноко? Ну пожалуйста, ну возьми меня, возьми, возьми-и...

– Заходите уже оба, – потребовал голос.

Я мысленно махнул рукой на всё, потом разберёмся, и, потянув на себя дверь, вошёл в маленький чистенький и очень уютный офис. Доберман, словно вода, просочился следом.

Итак, описываю всё детально, как нас учили в армии, и с псевдонаучными комментариями, как наставляли в университете. Небольшой, но плотно заставленный всем необходимым рабочий кабинет. Большой планшет на подставке вместо компьютера, полупрозрачный стол с выдвигаемыми ящиками и рядами аккуратно уложенных папок, ручек, карандашей, степлеров и прочей канцелярской мелочи.

Новенькая плазма во всю стену, чёрное кресло на колёсиках, кондиционер, стеклянный шкаф с книгами. Беглым взглядом видно, что на полках в основном классическая литература, ну, быть может, пять-шесть книг из серии альтернативной истории.

За столом в кресле сидит крупная рыжеволосая девушка с круглым лицом и фигурой натурщицы Ренуара. Одета в пёстрое приталенное платье в испанском стиле, балетки, глаза серо-голубые с зелёным отливом, выражение лица равнодушное. Украшений нет, кольца на безымянном тоже, только очки в тонкой серебряной оправе на носу.

В голову стукнулась шальная мысль о том, что равнодушие могло быть и напускным, некой защитной маской, но уточнить данный вопрос не представилось возможным. Гесс состроил самую умильную физиономию и завилял обрубком хвоста, коротким, но твёрдым, как стальной болт.

– Ух ты! Она красотка! Смотри, точно красотка! Эй, девочка, хочешь погладить собачку? Вот он я, гладь меня, гладь! А я тебя лизь!

Ошарашенная таким напором хозяйка офиса на стуле отъехала в стену, но страстный доберман отца Пафнутия был неумолим.

– Хочешь, лапку дам? На. Вот и вторую дам. На. Хочешь нос? Вот тебе кожаный нос. Гладь меня! Не гладит. Не любишь собаченек?!

– Гесс, – сквозь зубы прорычал я, оттаскивая нахала за ошейник, – имей совесть, скотина невежливая, мы в гостях. Не волнуйтесь, он не кусается.

– Спасибо, – пискнула девушка в очках.

– Но любвеобилен, как озабоченный шимпанзе.

– У меня небогатый выбор, да? Можно его как-то успокоить...

– А почему мне нельзя её кусь? Она не любит собаченек!

Минуты полторы мне пришлось потратить на его уговоры, обещая всё на свете: любить, гулять, прыгать, чесать, гладить, кормить, давать спать в своей кровати и так далее. Собачники меня поймут. После чего пёс сел на задние лапы, замерев, как садово-парковая скульптура, и не сводил с меня самых преданных на свете глаз.

– Мм... это вы, получается, готы из Архангельской области? Ну а чего, норм, – осторожно возвращаясь к столу, начала девушка, глянула на экран. – Как бы... мы рады приветствовать вас в Системе, братство бесобоев счастливо видеть новых бойцов в своих рядах и всё прочее, бла-бла-бла. Вопросы?

– Только один. Мы умерли?

– Нет.

– Это точно?

– Да.

– Слава богу, – выдохнул пёс за нас двоих. – Если что, я атеист. Но жил у бабушки.

– И «бла-бла-бла» мне как-то явно недостаточно, – добавил я. Тоже за нас двоих.

– Хотите сказать, что вы не фанаты и мне придётся объяснять всё по порядку?

– Уж снизойдите от до нас-то, грешных...

– Узнаю архангельскую школу. – Рыжая окончательно угнездилась на своём месте, щёлкнула кнопкой пульта, и плазма за её спиной вспыхнула разноцветными картинками.

– Ещё в добиблейские времена человечество прекрасно осознавало, что на планете люди и животные не одни. Кроме них землю населяют десятки тысяч, так сказать, не определённых наукой существ. Демоны, шайтаны, духи, джинны, привидения, бесы. Общее название последних произошло от...

– Мне нравится версия о древнеегипетском боге, Бес – хранитель... – подхватил я.

– Домашнего очага, – закончила она, поправляя очки. – Версий и теорий много, но речь не об этом. Данная схема показывает нам, что борьба людей с бесами также имеет очень давние корни. Изгнанием злых духов занимались старейшины племён, жрецы, шаманы, священники, а впоследствии целые монашеские ордены. Свои бесогоны или бесобои есть во всех странах мира, различия несущественны. Однако мы первая международная организация, которая занимается этим делом планомерно, научно и на уровне разделения пластов времени. Прошлого нет.

– Вы имеете в виду корпускулярные теории? Позвольте, разве они уже получили научное подтверждение? Речь, разумеется, не об отвлечённых лабораторных опытах, а о полноценной сфере практического применения.

– О, вижу человека с высшим образованием, но как вы тогда попали в Систему? Как правило, у нас довольно узкий контингент полевых сотрудников. Это так называемые служаки, которые не мыслят жизни своей головой, полностью подчиняясь приказу, уставу и распорядку. Либо «ковбой», обожающие бесконтрольную стрельбу в барах, погони и адреналин.

Я максимально внятно и кратко расписал своё обучение у старца Пафнутия, первый выход на самостоятельное дело и вот... такой вот странный результат.

– Ха, оранжевый бес, – впервые улыбнулась девушка. – Это же наш джокер в колоде, непредсказуемое существо, своеобразный вневременной вирус, мы запускаем его наугад в научных целях. Удивительно, что ваш наставник не счёл нужным проверить это лично, прежде чем послать стажёра.

– Отец Пафнутий лучший учитель, – мгновенно упёрся я, потому что своих мы не сдаём, и даже Гесс на минуточку молча оскалил зубы.

– Ну хорошо. А откуда взялся говорящий пёс?

Вот тут мы оба замялись с ответом.

Вроде как доберман жил в селе ещё до моего прибытия, но ни разу ни с кем не разговаривал, сколько мне известно. Собака как собака, со своими бесхвостыми тараканами в голове, но без особых перегибов. Дома вёл себя как и любой нормальный пёс, правильной дрессировкой отец Пафнутий не увлекался, да и времени на это у него не было.

Основное время Гесс оставался предоставлен сам себе, метил столбы и заборы, дрался с соседскими кобелями, обожал гонять коров, получая за это звездюлей от сельских бабок, но если и огрызался на них, то исключительно по-собачьи. Где и когда он научился говорить, наверное, только одному богу известно.

– А чего мы, собственно, гадаем, – первым удивился я. – Можно же просто взять и спросить у него? Гесс, отвечай.

– Тут, – после недолгого размышления решил пёс.

– Но раньше ты не говорил?

– А смысл? – пожал плечами доберман.

Мы с девушкой переглянулись, что ж, может, и правда собаке не было смысла болтать на всё село, а то ещё сдадут в поликлинику на опыты.

– Ладно, норм, непринципиально. – Девушка сделала пометку в рабочем планшете. – Но работаете вы в паре?

– Нет, – опроверг я.

– Да, – подтвердил Гесс.

– Так, запишем: не уверены, но вместе. – Хозяйка офиса быстро открыла в планшете какой-то документ. – Что ж, могу предложить на выбор: Древний Китай или Республика Дагестан. Лично я предложила бы Китай. Эпоха Цинь, культурные люди, никакой поножовщины. Оформляю заказ?

– Тем более что в Дагестане я уже был. Минуточку! – вовремя успел вскинуться я. – Вы так и не объяснили толком, куда мы попали, что с нами будет и какого лешего вообще здесь происходит?! Простите, как вас по имени?

– Марта.

– А меня Фёдор, бывший гот, поэтому для друзей Тео. Приятно познакомиться. Так вот... Рыжеволосая Марта, даже не подняв на нас взгляд, нажала клавишу *Enter*.

...Я на секундочку зажмурился или, правильнее, просто сморгнул, но открыл глаза уже в Древнем Китае. Мы с доберманом стояли на берегу широкой полноводной реки, несшей куда-то вдаль мутные от песка волны.

– Хуанхэ, – пробормотал я, взглядываясь в своё расплывчатое отражение.

Судя по всему, теперь я выглядел как тощий благообразный старец с длинной белой бородой, в простых одеждах, с посохом в руках и моей сумкой на плече. Я бегло ощупал её, тяжёлая книга на месте. Гесс тоже наклонился посмотреть и невольно отпрыгнул – из воды на него смотрел худющий измождённый пёс в клочьях осыпающейся шерсти.

– Это не я! – Морду добермана перекосило душевной болью от унижения.

– Мне тоже досталось, но я же не скулю.

– А я скулю! И буду скулить, потому что мне горько и обидно! Я его кусь!

Мне удалось поймать ретивого героя за ошейник, прежде чем тот кинулся лапами разбивать своё отражение в реке. После чего я присел на корточки, поймал его за шею и, глядя глаза в глаза, попытался поговорить откровенно:

– Значит, так, слушай меня, псына ты скоропалительная. В конце концов, если мы видим друг друга такими, как есть, – это уже плюс! Ты же меня узнал.

– Узнал. Ты молодой хозяин, друг. Погладь меня! Я тебя лизь!

– погоди, сначала разберёмся. – Я с трудом увернулся от его горячего языка. – Я не знаю, как и почему ты стал такой разговорчивый. Отцу Пафнутию, возможно, это бы и не понравилось. Но суть не в этом.

– А в чём суть? – заинтересованно распахнул глаза доберман.

– В том, что нас с тобой явно кто-то подставил, и по канонам художественной (ни разу не научной!) фантастики выбраться мы оба можем лишь после выполнения определённых условий.

– Понял. Легко. Скажи, что делать. Кого укусить, что принести, кому дать лапу?

– Гесс, – я в полной прострации прижался к говорящей собаке ближе, лоб в лоб, – если бы я только знал. Но та девушка, Марта...

– Красивая! На тебе кожаный нос! Гладь меня, гладь...

– Прекрати. В общем, она приняла меня за бесогона, значит, в этом мире мы должны делать то, что от нас ждут.

– Бить бесов?

– Да.

– Хочу! Я с тобой! Всех побью! Я готов! Где бес? Покажите беса!

– Сядь.

– Сажу, – тут же опомнился он. – А зачем сидеть?

– Не знаю, – вздохнул я. – Просто так, для порядка. Но не думаю, что мы найдём бесов здесь у реки, наверное, нам надо идти к людям.

– Пошли, – тут же вскочил он, виляя хвостом.

– Куда?

– К людям. В деревню. В село. Я чую запах дыма, запах еды, запах людей вон там, пойдём – покажу, не бойся, нам пора, за мной, идём, идём, идём!

Я лишь покачал головой.

Если кто пробовал унять скачущего вокруг вас добермана, тот знает, что это абсолютно бесполезно. Скорее вам удастся уговорить горного козла не прыгать по отвесным скалам, чем убедить эту псину вести себя прилично. Когда говорят, что в одном месте у него шило, то явно не подразумевают, что у добермана не только шило, но ещё и вагонные пружины во всех местах.

Он способен прыгать на два метра выше своей головы, в любой самой непредсказуемой позе, лишь бы поймать внезапно пролетевшую над ухом муху. А можно скакать и вообще без всякой мухи – разве для прыжка должна быть хоть какая-то причина? С точки зрения добермана любые причины надуманны. Прыгай, и всё!

Наверное, со стороны мы составляли несколько противоречивую пару: одинокий согбенный старик, бодрой походкой движущийся за резво ловающим бабочек, едва дышащим дряхлым псом. С другой стороны, мы же в Китае, нас сюда обещали отправить, значит, пусть все думают, что мы жутко великие мастера кунг-фу, практикующие энергию «ци».

В этом смысле очень полезно быть начитанным философом. Ну то есть начитанным человеком всегда быть хорошо, знания лишними не бывают, просто философы в Китае всегда были на особом счету. Их ценили, их уважали, им поклонялись все – от простого народа до высших чиновников или полководцев. Да что там, сам император благоговел перед речами стариков...

Так что тут мы справимся. Помнится из общего курса, достаточно лишь выразаться нелепыми высокопарными фразами, неся любую чушь, но с умным видом, и сойдёшь за мудреца.

Мы поднялись извилистой тропинкой вверх по склону, практически сразу выйдя на довольно широкую просёлочную дорогу. Впереди, в паре километров, виднелись какие-то строения, а за ближайшим поворотом трое подозрительных оборванцев грабили прилично одетого юношу.

Классическая ситуация для начала рассказов Пу Сунлина. Я даже на минуту подумал, не в его ли книгу нас конкретно отправили, но Гесс просто не мог стоять на месте, когда тут столько интересного.

– Я их покусаю, да? Или сначала мы поиграем в догонялки? Или они будут палку бросать, а я приносить? Или дать им погладить мой зад?

– Слушай, успокойся уже, – вежливо попросил я. – И вообще давай договоримся: я не удивляюсь, что ты говорящий пёс с интеллектом второгодника из четвертого «Б», а ты не требуешь от каждого встречного-поперечного тебя гладить, идёт?

– Кто идёт? Куда? – Доберман завертел головой.

– Соглашение по умолчанию, – вздохнул я. – Но, видимо, одностороннее, ты ведь всё равно ничего не понял.

– Я всё понял. Я умный пёс. Я хороший, погладь собаченьку!

– Пошли уже...

Мы быстрым шагом приблизились к разбойникам и их жертве. Последний, кстати, вёл себя крайне достойно, не кричал, не вырывался и не ругался всяческими словами. Просто стоял, скрестив руки на груди, с отрешённым выражением лица, пока его раздевали.

– Доброго вам дня, люди, и да не зайдёт солнце над вечно жёлтой шкурой змеи Хуанхэ, – как мне казалось, очень возвышенно проговорил я.

– Пошёл на... [запикано], старый дурак, – ответили мне.

Честно говоря, я слегка затупил. Получается, по факту книжные описания нравов древних китайцев эпохи Цинь здорово отличались от реальности. Хм...

– Благородные господа, возможно, не слышали обо мне? Я великий и могучий даос с Северных гор, моё имя... э-э... допустим, Фе Ди...

И тут мне кто-то врезал бамбуковой палкой по затылку, прежде чем я довёл свою высокопарную тираду до конца. Да, поверьте, от удара сзади по башке не защищает никакая армейская школа и никакие даосские знания. Я беззвучно рухнул на колени и уткнулся носом в пыль. Вот вам и хвалёное китайское уважение к учёным пенсионерам...

Сознание вернулось от того, что чьи-то заботливые руки перевернули меня на спину, а в мой рот влили какую-то горючую жидкость с запахом абрикоса. Ну и жаркий собачий язык в ухе тоже способствовал резкому оживлению.

– Учитель, вы в порядке?

– Кажется, да, сын мой, – на католический манер откликнулся я, пытаясь сесть на землю.

Верный Гесс тут же вылизал мне всё лицо, уже одетый юноша склонился в низком поклоне. А трое разбойников со стонами и проклятиями пытались уползти в кусты.

– Я сразу понял, что вы, почтеннейший, великий даосский наставник, а ваш блохастый (доберман возмущённо округлил глаза) пёс на самом деле служащий вам бес! Он разметал всю шайку за одну минуту. Ему не были страшны ножи и палки, на такую храбрость не способна ни одна собака в Поднебесной!

«Погладь мой зад», – чуть было не сорвалось с языка Гесса, но каким-то чудом он сдержался и позволил себе лишь одобрительный «гавк». Скотина эдакая, я уже почти тебя люблю.

– Учитель, вы шли в деревню?

– Да. – Осторожно касаясь затылка, мне удалось нащупать изрядную шишку.

– Позволено ли будет бедному студенту, не сдавшему сочинение на чиновничью должность, сопровождать вас?

– Валяй, – брякнул я, но быстро опомнился. – Мне говорили, что в этой деревне лютуют бесы. Хотелось бы с ними сразиться.

– О да! – Молодой человек помог мне встать на ноги. – Моё имя Ляо Джань, я пробую писать, но учителя говорят, что мой стиль слишком простонароден, а язык не достоин великих произведений классической китайской литературы.

– «Только-о рюмка водки на столе», – ответил я первым, что вдруг стукнулось в голову.

– О да! – обрадовался мой юный спутник. – Как вы правы! Вино и водка из риса – вот единственные ценители моего скромного таланта. Могу же я отныне называть вас своим наставником?

– Ну, по гамбургскому счёту – запросто. Как тебя там, Джеронимо?

– Ляо Джань. Но вы можете называть меня как угодно. Пустой кувшин, дырявая корзина, разваливающаяся бочка, протекающая чаша...

– Что, всё так совсем уж плохо? – не поверил я.

Он только кивнул, опустив глаза.

Верный Гесс потопал рядом, стараясь держаться так, чтобы невзначай подставить загривок под мою ладонь, типа иди и чеши. Но, учитывая, как быстро и строго пёс разобрался с китайскими разбойниками, он, конечно, заслужил благодарность. Тем более что изо всех сил изображал бессловесное животное. Так что ладно, иду и чешу...

Примерно через полчаса мы дошли до небольшой, но вполне себе ухоженной деревушки Улян. Местечко, надо признать, крайне живописное, такие часто рисуют тушью на больших полотнах в японских якиториях Москвы. Знаете, такие чёрно-бело-красные горы, сосны, бурные реки, птицы и кучерявые облака.

На минуточку я вдруг почувствовал странное бурчание в желудке. Хотя чего странного-то, вспомнить бы, когда мы ели в последний раз? Получается, очень давно и не в этом мире. Беда...

Ляо Джань горделиво шёл на шаг впереди нас, размахивая руками и шумно крича на всю (единственную) улицу деревеньки:

– Великий северный даос осчастливил нас визитом! Его личный бес разогнал разбойников банды Сая, он знает тайны будущего, в его руках само время, он творит чудеса, перед которыми отступают даже лисы!

Нам кланялись, нам улыбались, нам махали руками, но, честно говоря, я всё больше и больше хотел есть. Когда на окраине деревни Ляо привёл нас в свой сиротский дом, то единственно съедобным там оказалась рисовая бумага, а пить можно было дождевую воду или тушь.

Мы с доберманом кое-как расселись на потёртых циновках, а господин студент решил, что сейчас самое время нагрузить нас дотошным разбором своих сочинений. Мне приходилось лишь кивать и многозначительно цокать языком.

– А что, если вместо слов «великий Китай» написать «великая китайская земля»? Это лучше? А если в отрывке слово «мать» заменить на «отец», так будет проникновеннее? А как вы думаете, если я напишу «усердие даётся лучшим», мне удастся сдать экзамен в столице?

Мой бедный пёс изо всех сил боролся со сном, но всё равно клевал носом. Я также едва не рухнул на бок, когда вдруг в дверь хижины нудного студента постучали. Вежливо, без нахрапа, но требовательно.

К нам вошёл почтенный старик, в домотканых одеждах, лысый, как арбуз, с такими же зеленоватыми полосками на жёлтом черепе. Как шепнул студент, это был сам староста деревни.

– Великий учитель Фе Ди, – с поклоном начал он, – мне сказали, что вы прибыли к нам, дабы избавить деревню от бесов.

Я нарочито медленно кивнул.

Старик удовлетворённо продолжил:

– Мы все будем рады помочь вам. Бесы живут в полуразрушенном доме учителя Дуй Фу. Они ведут себя совершенно неприлично, шумят по ночам, гремят посудой, поют недопустимые правительством песни, которые ввели бы в смущение самого Конфуция. Можем ли мы надеяться, что вы изгоните их?

Ответом послужило абсолютно неконтролируемое бурчание у меня в желудке.

Староста был умным человеком, поэтому извинился, вышел вон, а буквально через пять – десять минут низко кланяющиеся китайки стали заносить в дом горячий рис, овощи на пару, тушёное мясо, рыбу без костей, вяленые речные водоросли, жареных насекомых на палочках, а также целую колоннаду алкоголя разного состава и крепости.

Это, наверное, даже хорошо. Просто потому что лично я не очень уверен, что на раз способен разглядеть бесов на трезвую голову. Уж простите, но меня учили именно так! Извечная рашен традишен, проще говоря.

– Ляо, присоединяйся!

– Смирный ученик не должен вкушать пищу учителя.

– Садись уже! И наливай, что там принесли, хоть попробуем.

Да, если кого не очень устраивает тот факт, что большая часть наших национальных проблем решается через алкогольное расслабление, пусть посмотрит статистику других стран. По потреблению спирта мы в четвертом-пятом десятке! Так что первые места успешно держит Европа, а мы с Китаем сидим на сливовом или абрикосовом вине.

– Староста нижайше просит вас разобраться с бесами, – мягко напомнил икающий студент, когда мы с верным псом практически погрузились в сытый послеобеденный сон.

Я крепко толкнул Гесса в каменный бок и ушиб локоть. Если кто из вас не знает эту (чёрт его побери, больно-то как!) породу, то доберман заслуживает две победные номинации: первое – мистер Элегантность, второе – мистер Несуразность! Как оно одновременно может укладываться в одном и том же псе, решайте сами, но это факт.

– Сделаем всё, что можем, – многозначительно откликнулся я. – Ибо Будды высоки, а трава низка. Но даже небеса порой склоняют облака свои до шапок гор, а значит, любой бес может быть повержен лишь вздохом Будды. Вот только когда Будда вздохнёт, кто знает? Никто. И я не знаю, и вы, и мой пёс, но что нам с того? Ночь темна, зима близко, половин мало...

Как и ожидалось, эта псевдофилософская лабуда сработала на все сто.

Китайский студент замер на миг, а потом бросился на пол, распростёршись у моих ног.

– О-о-оу, великий учитель, могу ли я, грешный глупец, надеяться припасть хотя бы к крупницам вашей бескрайней мудрости?

Доберман неуверенно покосился на нас, словно решая: пора крутить пальцем у виска или дать мне второй шанс.

– Ладно, поднимайся, ученик. Где тут у вас дом с бесами?

– На окраине селения, учитель! – радостно вскочил на ноги Ляо. – Вы ведь позволите мне проводить вас?

– О, если не затруднит...

Мы вышли из хижины, когда на маленькую деревеньку уже начинали спускаться розовато-фиолетовые сумерки. Воздух был чист и пах незнакомыми травами. О чём-то перешёптывались бамбуковые рощицы, доносился легкий цветочный аромат, пахло сырыми травами, от горизонта поднимался бледно-оранжевый лик луны.

«Хм, значит, ещё и полнолуние, – мысленно отметил я. – Неудивительно, что нечисть разгулялась, бесы такое время просто обожают».

Пёс молча ткнул мокрым носом мне в ладонь. Это ничего особенного не означало, кроме как «я здесь, я тут, я с тобой, ничего не бойся, но ты почеши меня или погладь, вдруг мне страшно...».

Воодушевленный студент вел нас по узенькой улочке, деревенские жители, пятась задом, прятались в домах, никто не рисковал высунуть нос во двор. Похоже, шумных бесов тихий китайский народ опасался даже чуточку меньше, чем бродячих даосов с психованными псами.

И я даже обижаться не стал бы, Гесс та ещё милая собачка. Но сейчас хотя бы пасть не раскрывает, пока...

– Вот, учитель. – Ляо вновь склонился в поклоне, вежливо указывая рукой направо. – В этом, с позволения сказать, вместилище «тепла и риса» когда-то жило семейство Фаней. Лет пять назад они переехали в столицу, а дом пытались продать. Однако новые жильцы, заплатив аванс в тридцать лянов, так и не смогли в нём жить.

– И кажется, я понимаю почему. Хотя почему «кажется»?

Поверьте, домом назвать эти полуразвалившиеся стены и дырявую крышу мог бы только человек с очень богатой или больной фантазией. Сквозь доски в полу росла высокая трава, в прорехах потолка можно было разглядеть зажигающиеся звёзды, а тропинку к порогу фактически пришлось протаптывать заново.

– Я ёжика видел, – пользуясь случаем, шепнул мне пёс. – Хотел его покатать лапой, но он колючий. Почему его нельзя кусь?

– Потому что ёжики безобидные, пусть себе идёт в туман. И, кроме того, они часто бывают переносчиками бешенства. Тебе оно надо?

– А кого тогда можно кусь?

– Думаю, бесов можно, – так же тихо ответил я. – Но без разрешения ни на кого не бросаться, а то в следующий раз без намордника на улицу не пущу.

– Не хочу намордник, хочу красный шарик на ремне. Я по телевизору видел. Его можно грызть! Купи!

На мгновение представив себе, какого же Тарантино он умудрился подсмотреть на «Первом канале», я понял, что вид добермана с кляпом из секс-шопа теперь будет мне сниться.

Если бы люди только на минуточку задумались о том, что могут знать о них их собаки, они бы, наверное, сгорели от стыда! Или как минимум выкинули бы свой телевизор...

– Купи! Вот тебе лапка, на!

– Гесс, заткнись уже, на нас смотрят.

Студент Ляо Джань действительно замер, как придорожный столбик, столь любимый собаками, и узкие глаза его в ту минуту были круглыми, как царские пятаки.

– Вопросы? – не сдержался я.

Парень вновь рухнул на колени и начал биться лбом о пол, постанывая от умиления.

– Я счастливейший из учеников! Великий даос только что показал мне, как он разговаривает со своим личным демоном, заключенным в теле блохастого пса!

– Обижает собаченьку? – изумлённо вскинул брови доберман. – У меня нет блох. Я его...

– Нет, – мне пришлось твёрдой рукой взять Гесса за ошейник, – не надо никого ни лизь, ни кусь! Молодой человек просто слегка тронулся крышей от восхищения твоими талантами. Он считает тебя могущественным демоном.

– О да, господин пёс! – Ляо, бесстыже переметнувшись, стал кланяться уже моему доберману. – Позвольте заверить вас и великого даоса в моей исключительной преданности и всяческом почтении. Прикажите умереть за вас, наставник!

– Лучше зажги какой-нибудь огонёк, – потребовал я. – В темноте сидеть не хочется, а бесы любят слетаться на свет.

– Э-э, простите, учитель, но я не взял с собой ни кресала, ни фонаря. – Он опустил голову, явно собираясь вновь бухнуться на колени теперь уже передо мной.

– Позволят ли благородные господа скромному старику предложить им свечу? – неожиданно раздался благозвучный голос за нашими спинами.

По-моему, впервые я развернулся в прыжке быстрее, чем мой перепуганный пёс. Позади нас стоял невысокий худенький старичок лет за сто, в хороших шёлковых одеждах, в одной руке горящая свеча, в другой – кувшин вина, а лицо так и светится благосклонностью и учтивостью.

Он неторопливо шагнул нам навстречу, и ни одна половица не скрипнула под его ногой. Это значит, что...

– Он бес, – успел прошептать бледный студент, срываясь с низкого старта и сквозь заросли бамбука напролом удирая из заброшенного дома.

Мы с Гессом себе таких вольностей позволить не могли, да и не собирались, кстати. Глаза добермана загорелись здоровым интересом, мне тоже было любопытно посмотреть на китайских бесов, так разительно отличающихся от наших. Ну, вы сами сравните...

– Ваш молодой друг чего-то испугался?

– Нет, просто у него экспрессивная натура, метеоризм и повышенная нервная возбудимость, – как можно научнообразней постарался объяснить я. – А вы, должно быть, хозяин этого дома? Тогда мы нижайше просим у вас прощения за нарушение покоя в столь поздний час.

– А вы тот самый могучий даос с Севера? – вопросом на вопрос улыбчиво ответил старик. – Новости в сельской местности расходятся быстрее кругов на воде от прыжка лягушки. Но, если вы никуда не спешите, могу ли я просить вас побыть моими гостями?

– Неприлично приходить в гости без подарка.

– О, уверяю вас, нет смысла в лишних церемониях, – разулыбался старый бес, смешно морща лицо, так что оно на секунду стало лисьим. – Как говорится, почеси спинку другу, и друг почесет пятки тебе! Здесь хватит вина на троих.

– Я не пью, – ляпнул Гесс, на мгновение потеряв контроль. – Ой, типа гав, гав!

Старик подмигнул, и в ту же секунду полы оказались застелены чистыми циновками с удобными подушками, красивой посудой и блюдами разной ароматной снеди на них.

– Позвольте представиться, меня зовут дядюшка Тян. Моё семейство проживает здесь уже несколько лет, так сказать, сторожа заставу без ворот. Присаживайтесь, угощайтесь.

Я кивнул и сел.

– А ваш четвероногий друг не присоединится к нашей беседе?

– Гесс, садись.

– Я дас ист собакэн, гав, гав, моя твоя не понимать, – попытался было выкрутиться он, но поздно, старик так заразительно расхохотался, что стало ясно – он видит нас насквозь.

– Значит, вашего домашнего беса зовут Гесс.

– Это мой пёс, – поправил я. – А бес тут, как понимаю, именно вы.

– Не совсем, я девятихвостый лис и не скрываю этого. Осталось выяснить, кто вы – настоящий северный даос, изгоняющий нечисть, или так, «старый тигр из рисовой бумаги». Пейте же, это хорошее сливовое вино!

– С бесами не пью и не ем, – жёстко отрезал я. – На вас жалуются в деревне, так что шли бы вы... куда-нибудь подальше.

– Из этой провинции? – насмешливо фыркнул он.

– Из этого Китая!

– Ах, как невоспитанно угрожать хозяину дома, где к вам отнесли с достойным и подобающим гостеприимством, – грустно вздохнул старик Тян, повёл рукой, и наваждение исчезло.

Мы вновь сидели на голом полу, а перед нами лежали круглые листы кувшинок, наполненные речной тиной и жёлтым песком. Интересно, что у него было налито в кувшине: коровья моча или рыбий жир? Вот бы мы вздумали попробовать...

– Итак, вы дерзаете изгнать меня, смертные?! – очень нехорошо улыбнулся лис, и личина благообразного старика впервые показала острые кривые зубы.

– Я могу его кусь, – неуверенно предложил пёс. – Но он, наверное, невкусный. Но я могу. А тебя лизь!

– Мелкие людишки, неужели вы всерьёз считаете, что способны одолеть дядюшку Тяна? – громогласно расхохотался старик, окончательно меняя внешность.

Теперь перед нами стоял двухметровый гигант, голый и мускулистый, с длинными лисьими хвостами, звериной мордой и горящим взглядом.

– А не пошёл бы ты на хр...? – Мой вопрос остался без ответа, видимо, на русскую ругань китайские бесы не реагировали. И в общем-то имели на то полное право.

Мы с Гессом бегло переглянулись, а старик Тян опять принял лик смиренного старичка.

– Неужто площадная крестьянская брань приличествует столь учёному мужу? Право, я разочарован. Вы даже не попытались написать заклинание иероглифами красной тушью, чтоб отвадить меня от этих мест. Ах, ах, ах...

Я сунул руку в сумку, бутылки со святой водой не было, была фляжка с самогоном, но смысл пить, я же и так отлично вижу сущность этого беса. Тогда что? Этот уровень мы со старцем Пафнутием не проходили. А почему, кстати?

– Можно я его всё-таки кусь?

Не дожидаясь моего разрешения, Гесс храбро прыгнул на китайского беса и...

В общем, тому оказалось достаточно вновь принять свой истинный облик, чтобы перепуганный доберман весом в сорок кило кинулся мне на руки.

– Я боюсь! Он страшный! Спаси меня, папа-а!

– Я тебе не отец!

– Все так говорят.

С трудом выдохнув, мне удалось устоять на ногах, спуская эту скотину на пол.

Лис насмешливо дунул, от чего нас вписало в хлипкую стену под характерный хруст досок (надеюсь!), а не костей. Декарт мне в печень...

– Тебе больно? Больно. Я тебя лизь! Ещё лизь! Ты добрый, ты меня спас! Что тебе сделать, ещё лизь?

– Просто слезь с меня-а...

– Слез, – послушно прыгнул с меня доберман, изрядно вмяв мне живот. – А теперь мы пойдём и навалаем нехорошему?

– Воистину, – согласился я, с трудом вставая.

Дядюшка Тянь, уже ни капли не скрывающий своей жуткой внешности, хрипло рассмеялся, принимая одну из каких-то экзотических поз кунг-фу. Видимо, он рассчитывал на классическую китайскую драку. Но я не Джеки Чан.

– За ВДВ!

Сумка крутанулась по кривой, он легко блокировал её, но вылетевшая книга стукнула беса в висок. Я надеялся таким образом отвлечь его внимание и бежать, дёрнув пса за ошейник.

– За мной, Гесс, уходим!

Мы довольно лихо рванули в обход вставшего столбом беса и обернулись уже на пороге.

Он нас не преследовал. Что-то не так.

– Мы уже не уходим, да? – крикнул мне доберман, успевший удрать шагов на десять вперёд.

– Погоди.

– Зачем? Он плохой. Кусь его нельзя, лизь его нельзя, лапку дать нельзя, давай убежим!

Вопреки здравой логике и всему, чему меня учили, я всё-таки остался на месте, а потом и вовсе подошёл к могучему Тяню. Китайский лис с девятью хвостами, выпучив глаза, перелистывал страницы Святого Писания, а его губы едва слышно проговаривали текст.

– Какой язык, какой стиль, – подняв на меня взгляд, благоговейно выдохнул он, вновь меняя свой кошмарный облик на вид благообразного старца. – Скажите, друг мой, могу я предложить вам «пять лянов серебра за отражение луны в колодце»?

– Возможно, – на всякий случай ответил я. – А что конкретно вы имеете в виду?

– Всё просто, вы дарите мне эту чудесную книгу, я же обязуюсь, что этой же ночью моё семейство покинет деревеньку.

– И весь Китай! – тут же встрял с дополнением мой верный вернувшийся пёс.

– Китай очень велик, – улыбнулся дядюшка Тянь. – Если мы найдём местечко, где на нас не поступит жалоб, разве кому-то будет от этого плохо?

– Бесов надо бить.

– Живи и дай жить другим, – осадил я Гесса.

– Всё про тебя отцу Пафнутию расскажу, – надулся он.

– И я про тебя всё ему расскажу, – парировал я.

Через полминуты напряжённого сопения пёс первым подал мне лапу примирения.

Вежливый старый лис улыбнулся и отвесил нам прощальный поклон. Мы тоже поклонились в свою очередь. Через мгновение он исчез, оставив нас в темноте.

– Ну, видимо, задание-то в любом случае выполнено. Дом избавлен от бесов, деревня тоже. Теперь можно и...

Я даже додумать не успел, что именно теперь можно, когда в зарослях бамбука раздался треск и на нас выскочило непонятное чучело в одеждах студента, но с чёрным блестящим лицом.

– А-а-а-а! – орало оно.

– А-а-а-а! – орала мы с Гессом, который во второй раз попытался запрыгнуть мне на руки. Уже в падении я, изловчившись, пнул нападавшего ногой под колено, и тот опрокинулся наземь, едва не выронив из рук китайский фонарик.

– Ляо Джань? – Мы не сразу узнали нашего недавнего знакомца. – Идиота кусок, ты с дуба рухнул, что ли?!

– Нет, наставник. – Он поднялся и встал, поглаживая ушибленную ногу. – Увидел страшного беса, на меня напал страх, и я совершил непростительный поступок, бросив вас одного.

– Нас двое, – сухо буркнул доберман. – Держи меня на руках, мне всё ещё страшно. Держи. Лизь тебя!

– Дома мне открылась вся глубина моего душевного падения. Я был в ужасе, что предал своего учителя! После недолгих размышлений я вспомнил слова великих «подобное лечится подобным, лишь меч защитит от меча», поэтому испачкал лицо тушью, чтобы бес устыдился моего вида и ушёл восвояси.

– Господи, прости дегенерата. – Я всё-таки с грохотом сбросил с себя пса. – С чего бы бесу стесняться того, что у тебя физиономия чёрная?!

– Как, разве сами бесы не чернолики?

– По-моему, дело пахнет тупым расизмом на бытовой почве. Ладно, плюнь, проехали. Семейство нечисти покинуло этот дом и никогда не поселится вблизи вашей деревеньки. За весь Китай не скажу.

– Весь Китай большой, – улыбнулся «чернокожий» студент, сияя тушью. – Главное, чтобы не у нас, как говорится, чихающего на севере вряд ли услышат на юге.

Мне на минуточку захотелось чисто философски порассуждать по поводу, но, видимо, не время и не место. Как-нибудь потом, при удобном случае, мы непременно вернёмся к этой теме.

Гесс лизнул мне руку, я погладил его между ушей. Лучи, заглядывающие в большую дыру в крыше, на мгновение вдруг стали очень-очень нестерпимо яркими. Начинается...

Белый коридор, лампы дневного света, знакомая дверь. На узкой лавочке терпеливо сидит католический монах в коричневой рясе, с выбритой тонзурой и усталыми намозоленными руками, а рядом молоденький милиционер с погонами курсанта.

– О, китаёза с псинкой, – повернул голову монах. – Садись, друг любезный, третьим будешь.

– Спасибо, – ответил я. – Видимо, облик нам поменяют только при следующем задании?

– Само собой, – подтвердил милиционер, присоединяясь к разговору. – А вы, дедушка, вижу, с первого задания?

– Угу, гений дедукции.

– Это несложно, – улыбнулся он. – Я в Системе с двенадцати лет, навидался всяких. Пёс, надеюсь, привитый?

– Да, как положено, – соврал я, поскольку в тоне парня явно скользила эдакая ментовская подозрительность.

– Значит, могу погладить.

Гесс так страшно клацнул челюстями, что чудом не откусил ему половину руки.

– Следующий.

Курсанта смыло приливом.

Средневековый монах молча перекрестился и повернулся ко мне:

– Брат во Христе, прими один добрый совет от старого монаха. Никому здесь не верь. Возможно, тогда ты проживёшь долгую жизнь.

– Никому, это, значит, и вам?

Он улыбнулся, кивнул и перекрестился ещё раз.

– Следующий.

Когда мы остались одни, я обернулся к Гессу:

– Ты молодец. Ни разу ничего не ляпнул.

– Хороший пёс? Хорошая собаченька? Погладь мой зад!

– О-о-оу... – Я закатил глаза.

– Лапку на!

Пришлось подержать его за лапу и честно чесать загривок, пока металлический голос из ниоткуда не сообщил, что настала наша очередь. Мы пошли. А кто бы сомневался, правда?

– Два дебила – это сила, – приветствовала нас рыжеволосая Марта.

Переглянувшись, мы с доберманом решили не спорить.

В конце концов, каждый имеет право на своё мнение. Ну и по-любому она права в обоих пунктах, и «сила» и «дебилы».

– Фёдор Фролов, вы...

– Для друзей Тео.

– Мы не друзья, – с мягким нажимом отметила девушка за планшетом, надевая на нос очки. – Не стройте иллюзий, я абсолютно равнодушно отношусь ко всем бесогонам и бесобоям. Работа есть работа, ничего личного. Кстати, вы ещё не решили, к какому берегу прибиться?

– Я гей.

– Чего-о-о?!?!!

– А говорила, что абсолютно равнодушна, – хмыкнул я, хлопаясь с доберманом ладонь в лапу. – Ладно, без проблем, Диоген вообще жил в бочке, а называл себя гражданином мира.

– В каком смысле? – опомнилась рыжая.

– Да кто его разберёт, он был тот ещё извращенец. Но я лишь хотел сказать, что понимаю вас и надеюсь на взаимность. Верно, Гесс?

– Она не любит собаченек!

– Это я помню.

– Да ну вас обоих в задницу, – опомнилась Марта, краснея, как луна на закате в сентябрьскую ночь. – Вы всё провалили! Китайским бесам ни к чему знать Деяния святых апостолов православной церкви. У них другие правила, законы и радости по жизни. Трудно было лицо тушью замазать? Бес устыдился бы и потерял бдительность, а вы его кирпичом по затылку!

– Она что, дура, да? – округлил глаза в крайнем изумлении мой пёс. – Ничего не понимает, не любит собаченек, не гладит мой зад, не хочет лапку. Как мне жить?!

– Ох, приятель, думаю, она прекрасно всё понимает, именно потому и...

– Вам не место в Системе! – успела выкрикнуть рыжеволосая.

В тот же миг мы с Гессом вновь стояли в горнице дома Тулуповых, их дочь смотрела на меня зачарованным взглядом, её мать и мать её матери в голос вопили, что я что-то там порушил, кого-то смертельно оскорбил, всех лишил чести и сей же час по гроб жизни обязан жениться.

Слава тебе, всеблагой Господи и все пророки его в порядке очередности, будем надеяться, что вы за меня заступитесь и всё когда-нибудь утрясётся. Гесс, ткнувшись мне в ладонь кожаным носом, вовремя подмигнул, намекая, что здесь он вновь добрейшее бессловесное животное.

– Что ж ты творишь-то от, паря? – донёсся до меня голос отца Пафнутия.

– Разбираюсь с бесом, – честно признал я и на всякий случай добавил для ясности: – Жениться всё равно не буду.

– Дак кто ж те позволит-то?! – Тяжёлая рука моего наставника вlepила мне затрещину.

Как вы понимаете, я даже не пытался увернуться. К обоюдной выгоде мне нужно было отсюда вырваться, а ему отмазать меня от нежелательных последствий. Ну, вы уже понимаете от каких.

– Куды ж от пошли-то, батюшка? Монашек от твой беса изгнал, девицу освободил, когда ж от теперь свататься-то будет? А то ж мы их иконою прям сейчас от и благословим, коли чё...

– Сельский ЗАГС через плечо, – оборвал возбуждённую бабулечку отец Пафнутий, осеняя её крестным знамением и щедро целуя в обе щёки. – Девице-то чаю дайте, в больницу сводите, а от в воскресенье на исповедь все предстанете.

– Ну хоть на часок от монашка чёрного оставил бы, ать?..

Батюшка с трудом сдержал рвущееся с уст матерное богохульство, ещё раз пнул меня в спину, да так, что я с наслаждением вылетел в сени. Впервые на моей памяти Гесс оделся самостоятельно, ловко застегнув фуфайку и натянув шапку до бровей.

– Спорим, что добегу быстрее? – предположил я.

Через секунду мы неслись к нашему дому по короткому пути, проваливаясь в снег по колено и вспахивая целину, словно два овцебыка, случайно выжравших по килограмму энергетика.

Мой наставник тем временем неторопливо ставил чашку под самовар. Как?! Он же не мог успеть поперёд нас, это же... это в принципе невозможно. Но...

– На всё воля Божья, – не вдаваясь в более подробные объяснения, хмыкнул отец Пафнутий. – Ну от, паря, садись уже. Выпить не предлагаю, думается, что ты и без того от поговорить-то хочешь.

– Скорее уж выговориться, отче.

– Ну и так от можно, исповедуйся, сын мой. Тебе ж, поди, там от поблажка будет. Думаешь, я не слыхал, как ты от с псиной бессловесной разговаривал?

Доберман вскинул уши, поднимая на хозяина изумлённый взгляд. На секунду мне вдруг резко захотелось сдать жутко болтливому псу, умеющего, оказывается, держать язык за зубами.

– Он не бессловесная псина.

– Ох, прости старика, зазря животину обозвал от. Иди сюда, Геська, не боись, поглажу. Дай от лапку-то!

Доберман, высунув язык от счастья, подставил морду под мозолистую ладонь хозяина.

Я почувствовал в душе лёгкий укол ревности. За то короткое время, что Гесс разговаривал со мной, я уже стал считать его своей собакой. Он меня даже один раз папой назвал.

– Всё, всё, уйди, тварь божия, у меня уже рука устала. Садись от, Федька, про беса твоего изгнанного речь держать будем.

Я послушно сел, налил себе облепиховый чай, подумал и добавил пару кусков сахара, организм требовал глюкозы.

– Так то рыжий бес был али всё ж таки от оранжевый?

– Не помню, честно говоря, всё как в тумане.

– От тока не лечи меня, паря! Сие вопрос-то серьёзный, тут лукавить нельзя, не меня же, а Бога гневишь!

Я отставил чашку, поймал умоляющий взгляд добермана, брови домиком, в глазах слёзы, и, слегка надкусив сухую баранку, незаметно передал ему её под столом. Страшные зубы самым нежнейшим образом сделали «кусь», я вытер пальцы о подол рясы и сам перешёл в наступление:

– Отче, а что вы знаете о Системе?

Не ожидавший вопроса в лоб батюшка чуть не поперхнулся чаем. Видимо, он рассчитывал на некое покаяние с моей стороны, но, увы, не всё теперь так просто.

– Хм-хм, от, стало быть, как, – через пару минут сценического молчания прогудел он. – Оранжевый бес-то не простая нечисть, сиречь стервь опасная, культивированная, симбиозная. Давай от, Федька, поговорим по душам, раз так припекло...

– Пить не буду.

– А я от и не предлагал.

– Вы на шкафчик с настойками посмотрели.

– Ну, тут прости уж старика-то, аз есмь грешен, – недовольно огрызнулся мой наставник, поскрёб в бороде и кивнул. – Добро же, от я с себя и начну. Лет шесть от, коли не более, мне той Системе отдать довелось. Покуда наставником был от, бесогонов-то для них готовил. Опосля, уже как неудобен-то стал, списали меня, такие от дела.

– За что списали?

– Вопросы неудобные задавал.

Я опустил голову, это мне как раз очень даже было понятно.

Самолично постоянно наступал на те же грабли, но что делать, если сама мать-философия переводится как любовь к мудрости, любовь к мысли. А мыслящий человек вопросов не задавать не может. Уж прости великодушно, жестокий мир!

– Теперича от ты как на духу.

– Откровенность за откровенность, – честно согласился я, между делом втихую отправляя ещё одну баранку истосковавшемуся Гессу.

Когда лёгкое похрумкивание под столом стихло, я во всех подробностях рассказал старцу Пафнутию обо всех наших приключениях. Ничего не скрывал, ничего не утаивал, воспроизведя практически дословно все сюжетные повороты и линии диалогов.

Батюшка слушал очень внимательно, пару раз в раздумье качая головой.

– Никакую такую Марту я не знаю, не привёл от Господь свидеться, видать, не так давно служит, – неторопливо начал он, когда я по-армейски выпалил: «Доклад окончен». – Сама от Система-то, может, и в задумке из неплохой идеи зародилась. Объединить всех религиозных от учёных мира, чтобы, стало быть, создать единый щит защиты от любого беса! Ну а коли с бесами удача будет, так, может, от потом и на не шибко крупных чертей замахнуться...

– Перспективы имеют тенденцию к расширению. А за чей счёт, собственно, весь банкет?

– От то я и спросил, да безответно, – с нажимом буркнул наставник и понизил тон. – Мне, вишь ли, не особо их методы по сердцу пришлись. Вроде как мы-то, бесогоны, призваны бесов гонять, а там от моих учеников всё больше к бесобойству склоняли. Жалованье выше, льготы там от, плюшки-заманухи разные.

– Ну так вроде особой разницы нет: бесогон или бесобой? Суть практически одна.

– Так-то, да не так, паря. Я, вишь ли, пожил на свете и зазря ничью кровь лить не стану. Надобно беса прогнать – прогоню, а чтоб всенепременно от убивать его в мясо кровавое, энто уже от лукавого. За что и был с преподавания да чинов от сюда, в глушь, сослан. Ты ж от, Федька, у меня, поди, первый ученик за шесть лет или даже и все семь-восемь. Так-то...

Я в сомнениях поднял бровь, а потом вдруг вспомнил, за что Марта выгнала меня из Системы. Типа я лишь прогнал беса, но не убил его, а ждали, видимо, всё-таки смерти. С другой стороны, предупреждать надо было, ведь я же честно признался ей, что обучался у отца Пафнутия.

– От за таковые слова тебя на проверку и спустили, хотели знать, кого я нынче готовлю? А ты, дубина-то еловая, им на радость взял от да и набесогонил.

– Вообще-то Марта скорее выглядела разочарованной.

– Да бог с той девкою, забудь от, и всё! Ты лучше скажи, отчего тебе в башку-то стукнуло, будто бы Геська наш разговаривает? Не напутал ли чего от с перепугу-то перед китайским бесом, ась?

– Ваш пёс разговаривает! Болтает так, что пробкой из ванны не заткнёшь. Гесс, скажи что-нибудь!

Пёс осторожно повернул в мою сторону острые уши.

– Я говорю: скажи что-нибудь отцу Пафнутию, а то он не верит.

Доберман вскочил на ноги, всем видом показывая готовность жизнь положить за-ради исполнения любого моего каприза. Но молчал, как французский боец Сопротивления в гестапо или килька в томате. То есть никак, ни по какому, ни за что, ни гу-гу.

Я поймал его за ошейник, подтянул к себе и зарычал:

– Говори, сволочь, убью!

– Гав, – придушенно пискнул он, упираясь всеми лапами.

Батюшка глухо выдохнул, забрал у меня собаку (предателя!) и решительно хлопнул ладо-нью по колену:

– Отдыхаем, паря! Завтра с утречка от по-иному обучение-то продолжим. Система, она задаром никого не выпускает. Стало быть, и наука бесобойства тебе от не помешает. Тока Геську больше не тронь.

– Хорошо, – скрипнув зубами, покорно согласился я.

– Дык чё сидишь-то? Давай от выгуливай бедолагу, вишь, исскулился весь.

Как вы понимаете, вариантов у меня не было. Пришлось поклониться, сжав кулаки, и послушно пойти в сени. Я одел нервно повизгивающего Гесса, накинул на плечи тулуп и вывел продажного пса во двор. Жаль, что не на расстрел в враге...

Пока он честно помечал все безумно важные для него столбики, деревья, заборы, я скромно ждал на чурбачке для колки дров, тупо смотрел на вечеряющее небо и даже слегка жалел, что не курю. Говорят, это успокаивает. Не знаю, возможно...

– Ты не обиделся? На тебе лапку!

– Да пошёл ты...

– Хочешь две лапки? На!

– Я сказал, отвали.

– А я тебя лизь! – умильно подластился этот двуличный олень безрогий, глядя мне в глаза самым бесстыжим и преданным взглядом. – Я не мог ему сказать, не мог. Он опять меня Библию читать заставит... упс...

– Минуточку, – как-то сумел сориентироваться я. – Стопорим мотор, глушим двигатель, у нас новая информация. Так получается, Эммануил Кант тебе под короткий хвостик, что отец Пафнутий всё знает?

– Не знает. Не всё. – Пёс лёг на снег, положив голову на лапы, и, сосредоточенно разгля-дывая свой же нос, продолжил: – Он пьяный был год назад, случайно на лапу мне наступил. Больно! Знаешь, как больно?! Я и заговорил.

– Матом, что ли?!

– Нет. Почти. Да. Под ноги, говорю, смотри.

– А он? – заинтересовался я.

– Обрадовался и давай меня носом в Библию тыкать: читай, читай, читай вслух! Всё. Утром он забыл. А я нет! Короче, теперь – гав. Только гав!

В общем, как выходило из его сбивчивого рассказа, говорить Гесс умел с рождения, как и с молодых ногтей были причины, заставившие его помалкивать. Будь я на его месте, так тоже сто раз задумался бы, открывать ли рот перед нетрезвым батюшкой, тяжёлым на руку и крайне непредсказуемым в действиях по причине православной широты неуёмной русской души.

Получалось, что мне доберман почему-то поверил. Наверное, это стоило бы занести в плюс.

Горячий язык лизнул меня в щёку.

– Сердишься? Не сердись! На тебе лапку!

– Давай. – Я пожал его тяжёлую лапу с длинными когтями. – Забудь, никаких обид. Всё нормально. Прости, что чуть не сдал тебя.

– А ты мне ещё баранку дашь? Ты добрый, ты хороший. Я тебя никогда не брошу, а нехороших бесов всех кусь! Погладь меня, погладь.

Что мне оставалось, просто забросить в чёрный ящик все свои комплексы, фобии и философствующие занудности, запереть этот ящик на ключ и выкинуть его в океан, куда-нибудь в район Марианской впадины. Говорят, там достаточно глубоко.

А самому радостно обняться с честным доберманом, похлопывая его по зимней шапке, и принять жизнь такой, какая она есть, или кажется, или отражается в моём несовершенном сознании, или вообще вспомнить о зеркальности мироздания с точки зрения... тьфу!

– Гесс, пошли домой. Поздно уже, а мне ещё ужин готовить.

Пёс восторженно подпрыгнул выше головы и ринулся наворачивать круги по двору.

– Ну как хочешь, я пошёл. На баранку под столом можешь больше не рассчитывать.

Перепуганный доберман сам открыл себе дверь, протискиваясь в сени впереди меня. Когда надо, он всё прекрасно понимает, а за всякие вкусняшки, наверное, душу продаст. И вот почему эту породу собак люди так любят, загадка покруче тайны египетских пирамид.

Не хочу грузить вас избыточностью описаний каждого шага моей скромной жизни, я не блогер какой-нибудь, у меня совесть есть. Поэтому давайте сразу о том, к чему мы перешли на следующий день, после того как крепкий старец Пафнутий отслужил службу, вернулся в дом потрапезничать и объявил, что моё новое обучение началось.

– Ну от, Федька, давай. – Батюшка вывел меня во двор и поднял к подбородку выдавшие виды боксёрские перчатки.

Ксенофан мне в ухо, лучше б он выпить предложил. После первых же пропущенных ударов по корпусу времена самогоновой учёбы показались мне золотым веком Александрии.

– Не зевай от, паря! А то нечем будет, без нижней челюсти-то знаешь от, как тяжело жить? Вот то-то и оно.

Не подумайте, что я струсил или просто решил не драться. Армия быстро выбивает одно и учит другому, захочешь жить – дашь сдачи. Но старый священник с невероятной для своего веса и возраста лёгкостью прыгал вокруг меня, не сбивая дыхания, не размахивая руками впуская, но каждый его кулак скупно и точно попадал в цель. Которой был я.

Гесс, разумеется, увязался за нами, но в так называемый образовательный процесс не лез, скромненько сидел на задних рядах, ничего не комментировал и ни за кого не болел. Тоже мне друг называется.

– Отдохни от, паря. – Старец помог мне подняться и прислонил меня к забору. – Тебя где драться-то учили?

– В... десан... десанте-е, – с трудом выдохнул я.

– Вишь от как, с живым-то человеком драться – это от одно дело, а так чтоб от беса с ног сбить – тут ить по-иному двигаться надо. Смотри-ка.

Я не сразу въехал в тему.

Стиль «боя православного батюшки», если это можно вообще называть стилем, был построен на нескольких довольно простых и потому жутко сложных в действии принципах.

Первое – ты видишь противника, а не то, кем он является по сути. Поясню: есть противник, с которым ты дерёшься, и совершенно не важно, кто это – человек, нечисть, робот, инопланетянин, святой дух, животное, кто угодно. Победи или сдохни.

Второе – нет защиты в бою. Вообще нет, никогда никакой, никому она не нужна. Ты не защищаешься, ты бьёшь первым.

Третье – правил нет. Правила для спорта, а не для боя на смерть.

И четвёртое – не думай. Вообще! Тебе оно не к лицу, не надо, ни о чём, убей свой мозг, будь бессловесным и бесчувственным, как силикатный кирпич, не оставь врагу ни единого шанса.

– Драться-то – оно само по себе от и несложно, – поучали меня. – Ты управляешь телом, а надо от башкой! Ить ежели, как нас учат по Писанию, самый от наименьший бес способен землю коготком перевернуть, то от как ты с ним драться-то станешь?

– Как все, – попытался спорить я. – Кулаком и верой.

– Это работает, – покивал наставник, сбрасывая перчатки в снег. – Геська, подбери от да в дом тащи! А ты, паря, про веру-то впустую языком не мели. Истинная вера не каждому даётся. А равноапостольных, старцев-монахов да отцов церкви, поди, от много не бывает.

– Да и бесы, я полагаю, таких за километр обходят.

– Соображаешь, – удивился отец Пафнутий, хмыкнул в усы и кивком седой бороды указал мне на дом. Типа пора. Хватит болтать.

Зазевавшийся доберман опомнился, подхватил перчатки со снега и дунул впереди меня.

Остаток дня я провёл в домашних делах и бесплодных размышлениях.

То есть именно за тем, что делает человека философом. Есть вещи, рассуждать о которых можно долго, старательно и вряд ли плодотворно. Если, конечно, у вас нет возможности успешно монетизировать ничего не значащую болтовню. Кстати, у многих это получается, но я не в сонме заоблачных счастливицков.

Весь мой предыдущий монолог на пальцах показывал, что думать (философствовать) в миллион раз проще, чем всего лишь не думать вообще. Господи боже мой, да мы ведь даже во сне думаем! Ибо нельзя, невозможно, нереально, немислимо не мыслить!

Проклятая тавтология с демагогией в одном унылом флаконе.

Просто старик владеет прапрадревнехристианскими тайными боевыми искусствами, что позволило ему в возрасте хорошо за восемьдесят без усилий отлупить вполне себе гораздо более молодого и далеко не беспомощного противника.

Короче, меня. Ох... К чему всё это? Так, дайте сообразить...

Ладно, наверное, к тому, что запомнить эти три правила несложно.

А вот реально овладеть ими, так, чтобы свободно применить на практике, – совсем другое дело. Иной коленкор, как выражается мой седобородый наставник. По крайней мере, чем больше я об этом думал, тем меньше у меня оставалось надежды на реализуемость задуманного.

Тем более если вспомнить, что задумано-то всё это было вовсе не мной.

– Собирайся, паря, – через два дня сообщил мне отец Пафнутий. – На окраине от, третий дом по улице Пламенных Коммунаров, мужичок Соболев залютовал. Жену от бьёт почём зря, горькую-то хлещет без меры, бесов видит. Плохо сие.

– Плохо, – согласился я. – Но, в принципе, дело житейское. Участковый направит в район к наркологу, и нет проблем.

– От тебе и ладушки, бабкины оладушки! Стало быть, сходим до них, благословим от на лечение, а там уж, поди, всё само обойдётся, так ли?

– Приблизительно да, – осторожно ответил я, поскольку мой наставник молча направился в сени за тулупом и валенками.

Доберман жалобно заскулил, его взгляд метался туда-сюда, собачья душа разрывалась пополам: с кем идти или с кем остаться?

– Пошли все? – тихо предложил я.

Пёс счастливо залаял, три раза крутанувшись вокруг себя и подпрыгнув козлом на метр вверх к белёному потолку. Как видите, ему немного для счастья надо.

Из дома вышли гуськом, по старшинству, до окраины надо было топать минут двадцать, а то и больше. Тем более что погода вдруг решила показать переменчивый нрав и резко ухуд-

шиться. Задул ледяной ветер, поднимая колючий снег, кидая его нам в лицо целыми пригоршнями, а сквозь серебряную завесу виделись волосатые задницы наглых бесов, изо всех сил вертящих хвостами...

По пути седобородый батюшка что-то бормотал себе под нос: то ли молитвы, то ли матерные частушки, не разберёшь. Гесс полдороги изображал молодого пьяного мастера ушу в прыжке, задирая задние лапы выше головы, но чем больше хмурилось небо, тем быстрее таял его энтузиазм. Пока дошли до последнего дома на улице Пламенных Коммунаров, он уже повесил нос ниже колен и даже перестал кусать острые снежинки.

Я даже не помню, чем была на то время забита моя голова, наверняка какой-нибудь ерундой. Возможно, даже Мартой. В конце концов, за последнее время она была единственной девушкой, с которой мне довелось хоть немножко поговорить.

Нет, не то чтоб разговоры с противоположным полом были запрещены. Я же не принял монашеский сан, так что в принципе кто бы мне что запретил. Никто!

Сумбурно, да? Я хочу сказать, что так называемый чин послушника налагает на светского человека не столь много обязанностей, как многим кажется. Пока ты послушник, ты, так сказать, лишь послушен своему духовному отцу или наставнику, ты только учишься ставить приоритетом духовную жизнь, но в любой момент волен развернуться и уйти.

Как, кстати, чаще всего и уходит подавляющее большинство таких вот обиженных на весь мир философствующих эгоистов. Я, честно говоря, тоже, наверное, ушёл бы по весне, были такие мысли, но теперь, когда мы познакомились с Мартой...

– Пришли от ужо. – Старец широким движением распахнул хлипкую калитку, сдвигая приличный сугроб. Видимо, уборкой снега хозяин себя не утруждал.

Мы шагнули во двор. Навстречу ретиво ринулись два скучающих здоровенных кобеля, но при виде улыбчивого добермана в телогрейке и шапке набекрень неуверенно поджали хвосты.

Гесс искренне удивился и, задорно гавкнув, отправился с ними поиграть, что в его понимании значило погонять псов вокруг дома, пока с них пар валить не начнёт, а потом закинуть обоих в одну конуру и перевернуть её вверх тормашками. Мы же, топаньем стряхивая с обуви снег, взошли на крыльцо и старательно постучали в дверь.

– Коли от пьяным откроет, сразу-то в рыло не бей, – заранее предупредил отец Пафнутий. – Говорю же тебе, не в себе мужик, то бесы его спаивают.

– Значит, ищу чёрного беса гнева и парочку зелёных. Зелёных крещу, чёрного обливаю святой водой.

– Истину глаголешь, паря. Да стучи от ужо, и посильнее, чё ж не открывают-то?

Ломать не делать – жалко мне, что ли? Я стучал кулаком, коленом, ногой, никто не открывал, но мой наставник – дядька упёртый, вы же знаете, уходить он не собирался, а в два плеча мы эту дверь в конце концов просто вынесли вместе с петлями.

– И почему не открывали, думали, что с обычным засовом не справимся?

– Так это от у рабы божьей спросить надобно. – Старец кивком бороды указал на сидящую в углу сеней запуганную женщину.

Безвольно опущенные натруженные руки, усталое лицо, заплаканные глаза, застиранная одежда. Как говорится, суду всё понятно.

– Вечер добрый, Татьяна. Прости от, что уж без приглашения, а тока нам с мужем твоим-то потолковать надо.

– Нет его дома, – тихо ответила хозяйка.

По-моему, у неё были распухшие от ударов губы, но я мог ошибаться, было темновато.

– А где же он, дочь моя?

– Не знаю...

– Не мне лжётся, Богу лжётся.

– Батю-ушка-а... – Женщина, не выдержав, бросилась к ногам отца Пафнутия.

Тот бережно обнял её за плечи и подмигнул мне:

– Ты б, энто дело, во дворе-то посмотрел, там сарай есть, слышал от, Соболев там свою самогонку варит.

– Её все тут варят, даже вы.

– Ты мне давай от не сравнивай благодать с баловством! Иди вона бесов погоняй, что ли. Критикует он тут.

Я коротко поклонился, с отцом Пафнутием вполне можно спорить, он даже любит здоровую дискуссию, но сейчас уж точно не время и не место.

Погода распоясалась вконец, ветер бросал в лицо могучие хлопья снега, вечер опускался быстро, небо казалось коричнево-чёрным из-за низких туч, а сугробы во дворе намело такие, что ноги проваливались по колено. Бесов видно не было, но это не значит, что их тут нет.

Потом я кое-как набрёл на слабо протоптанную тропинку и, уже не сходя с неё, добрался до крепко сбитого заснеженного сарая. Сквозь щель в дверном проёме блестела слабенькая жёлтая полоска света.

«Отец Пафнутий знатный был бесогон», – вспомнилось мне. Да, хватка у старика ещё крепка, и чутьё не пропёшь.

Сзади раздался хруст снега и хриплое счастливое дыхание.

– Отвёл душу? – не оборачиваясь, спросил я.

– Да, – удовлетворённо выдохнул Гесс. – Лизь тебя!

– Тогда беги в дом, грейся. А мне тут одного несчастного человека надо от бесов избавить.

– Я их кусь! Пусти меня, я первый, мне любопытно, а дома скучно, я с тобой хочу! Возьми меня, возьми, возьми-и! Хуже будет.

– Чем же?

– Я сяду тут и буду ныть, – злорадно пообещал он. – Ну ты чего, мы же друзья? На тебе лапку, пойдём бесов кусь!

– Хорошо, – сдался я, оборачиваясь и принимая его лапу. – Но одно условие: бесов гоняю я, ты сидишь и смотришь. Договорились?

– Да! На тебе ещё лапку.

Скрепив таким образом устную договорённость, мы спокойно открыли дверь (ну как спокойно, с трудом удерживая её от ветра) и заглянули внутрь.

Михаил Соболев действительно был механиком, если можно так выразиться.

Половина сарая представляла собой сложное переплетение труб, проводов, жестяных эмалированных баков разной ёмкости, тикающих термометров и больше походила на тайную лабораторию какого-нибудь свихнувшегося учёного, непременно желающего поработить весь мир.

А колоннады выстроившихся на полках от пола до потолка банок, бутылок, колб, склянок, вёдер и бочонков с самогоном наглядно демонстрировали, каким именно способом он намерен это проверить. Типа просто спить на фиг всё население планеты. Как минимум, всю Австралию!

На фоне всего увиденного под тусклым светом жёлтой лампочки без плафона мы не сразу разглядели самого владельца. Михаил Соболев (не знаю как по отчеству) лежал пластом в углу, и сивушный запах, идущий от всего (!!!) его тела, буквально шибал в нос с такой силой, что безгливый доберман зажал нос передними лапами.

– Что делать будем? Я такое не кусь.

– Понятия не имею, – так же откровенно признался я. – Чтобы изгнать беса, пациент должен быть хоть в каком-нибудь сознании. Может, его на улицу вытащить, он придёт в себя на холодке?

Пёс задумчиво кивнул, сведя жёлтые брови. Впрочем, в ездовые собаки впрягаться не стал, предоставив мне одному сомнительную честь тащить эту пьянь на свежий воздух.

В принципе, я вполне себе справился, выволок механика за ноги и попросту оставил его лежать на снегу носом вверх. Когда на нём намело небольшой сугроб, гражданин Соболев соизволил слегка зашевелиться.

– Чё... кто, чёй-то тут?! От бл...!

– Я послушник отца Пафнутия, буду из вас беса изгонять.

– Пшёл на...! От бл...! И фсё...

– Отлично, будем считать, что вы в сознании. – Я развернул мужика за ноги и точно таким же образом отволол его обратно в сарай.

На пороге он попытался вырваться, перевернувшись на живот, но только наелся снега от пуза. Мне удалось прислонить его к стене, кашляющего, плюющего и матерящегося, потом достать бутылочку со святой водой и приглядеться.

– Надо же, – удивился я, поскольку на плече механика сидел маленький чёрный бес, злобно скалящийся на меня зубки. – Тут всё так спиртом пропахло, что его без выпивки видно. А, Гесс?

– Вижу, вижу. Хочешь, я его кусь?

– Хочу, – вдруг взбрело в голову мне. – Валяй, покажи, как можешь гонять бесов.

Доберман бодро рванулся вперёд, клацнув зубами в воздухе, и тут же отскочил обратно.

– Ой!

– Чего?

– Он меня за нос кусь. Больно-о... пожалей собаченьку!

Поскольку это было скорее требование, чем просьба, я быстренько погладил по кожаному носу бедного пса и засучил рукава:

– Господи Боже, спаси и помилуй мя грешного.

С простой молитвой выкрутив пробку, я быстро набрал в рот святой воды и без предупреждения прыснул на беса. Мелкий пакостник, мокрый от рогов до кончика хвоста, завизжал самым мерзким образом и начал раздуваться, увеличиваясь в размерах. Что будет дальше, я знал, приходилось встречаться по учёбе, надо лишь вовремя отвернуться.

– Бум! – с грохотом лопнул нечистый, достигнув метра в кубе.

Доберман рухнул плашмя, закрывая морду лапами, как при взрыве. Кроме зловонного запаха серы, перемешанного со спиртными парами, от беса ничего не осталось. Всё, дело сделано.

– Домой? – обернулся я.

Гесс счастливо завилял обрубком хвоста.

Однако стоило нам шагнуть к двери, как за спиной раздался клокочущий смех, похожий на воронье карканье. Но хуже всего, что это было многоголосье.

– Декарт мне в печень...

Михаил Соболев так и сидел, где мы его усадили, молча, с гнусенькой гримасой на лице. А вокруг него с такими нехорошими ухмылочками стояло, наверное, не менее тысячи маленьких злобных зелёных бесенят.

И у каждого сжатые кулачки, оскаленные зубки плюс полная уверенность в глазах, что они по-любому завалят меня массой. Да, собственно, так и произошло.

– Господи Иисусе, да будет воля Твоя... – только и успел прошептать я, осеняя первые ряды крестным знаменем, как бесы ломанулись в психическую атаку.

Они печатали шаг, как гитлеровцы на параде, выбросив правую руку вперёд, словно в приветствии вермахту, издали вопя противными голосками:

– Бей бе-со-го-на-а-а!!!

Отступая, я навернулся через любопытного пса, тот с визгом тяпнул меня за ногу для успокоения нервов, а потом на меня навалились бесы. Зимнюю одежду они прокусить не могли, но в моё лицо и руки словно вонзились сотни острых, раскалённых иголок.

Я отмахивался изо всех сил, я орал слова молитв, но бесы продолжали наступать. Кое-как встав на ноги, почти ничего не видя перед собой, я наотмашь ударил ногой по ближайшей полке, и здоровенная банка самогона литров на десять хряпнулась вниз. Это и оказалось спасением.

– Пьянка-а-а!

Мелкие зелёные бесенята, мгновенно забыв обо мне, припали маленькими ротиками к самогонной луже, а мне хватило остатков ума сбить для них ещё с десятков бутылей.

Пока шустрые зелёные бесы напивались до чёртиков, я успел подхватить хозяина сарая и выволочь его на улицу. Расхрабренный Гесс с лаем сбил лапами ещё три полки, потом где-то закоротило электричество и...

– Ложись! – заорал я, хватая добермана за шиворот.

Огненной волной нас выбросило едва ли не к порогу дома. На месте частной самогонной лаборатории полыхал теперь высокий костёр синего пламени, в котором корчились нетрезвые зелёные бесы.

– Хорошо, что дом на окраине, снегу намело и погода хреновая, – зачем-то сообщил я прокопчённому псу. – Если пожар не разнесёт по всему селу, то мы вроде как бы и ни при чём.

– Гав, – с трудом прокашлялся Гесс, сплёвывая сажу. – Нет тебе лизь, нет тебе лапки, нельзя так с собаченьками.

– Можно подумать, я виноват.

– А кто? Кого кусь?!

Мы оба покосились на лежащего рядом механика Соболева. Меж тем из дома уже выбежала его жена, за ней неспешно вышел на крыльцо и отец Пафнутий.

– Знатную баталию от ты учинил, паря. Ну да это дело-то божеское, протрезвеет, так от, поди, и «спасибо» скажет. Ну или в суд подаст. От то уже завтра видно будет. Прощевай от, Татьяна! Более муж-то на тебя руку не подымет.

– Чё?! – вдруг резко взвился только что лежавший пластом хозяин дома. – Ктой-то мне тут... указывать... от бл... смеет?!

Мы с доберманом молча отошли в сторону, бедная женщина тоже, а могучий батюшка ещё минуты три мутузил обнаглевшего пьяницу, вколачивая в него смирение и любовь к ближнему.

Домой вернулись уже глубоко затемно, убедившись, что огонь стих, благо дорога через всё село шла одна и сбиться с пути даже в такую непогоду очень сложно. Утомительно, конечно, когда снег бьёт в лицо, но дошли. Пока я распаковывал усталого пса, отец Пафнутий мельком рассматривал мои раны.

– Святой водой от ополоснись, должно помочь.

Честно говоря, помогло не очень, но хоть зуд прошёл. Когда я утром глянул на себя в зеркало, то был искренне удивлён, что оно не пошло трещинами, отразив мою физиономию.

– Как у Федьки на носу бесы драли колбасу, – поддразнил мой наставник, собственноручно накрывая на стол. – Не дуйся, паря. От маслом лампадным намажься, а я за тебя-то и помолюсь. Геська, помашешь от за приятеля кадиллом?

Это он так шутит. Естественно, в храм собак не пускают, давняя и внятно ничем не объяснённая традиция. Вроде как боевые римские боевые собаки громко лаяли на Христа, когда он нёс крест, и поэтому пёс нечистое животное.

Однако, к примеру, пауки считаются хорошими существами, они заткали паутиной вход в пещеру, где лежало тело того же Христа, чтобы римляне его не нашли. Но тем не менее паутину в церкви тоже никто особо не одобряет, смахивая оную тряпкой вместе с пауками!

Кстати, забегая чуть вперёд, скажу, что лампадное масло действительно оказалось полезной штукой, буквально к вечеру лицо и руки уже не болели. Так, легкий озноб, словно некий мандраж, предшествующий выздоровлению. Ну и пенталгин я тоже выпил на всякий случай.

А наутро меня уже по полной загрузили домашними делами. Я выгулял безмятежно счастливого Гесса, прибрал в доме, вычистил половики на снегу, приготовил обед и ужин, даже успел истопить баню, дожидаясь старца Пафнутия с обедни.

Вот в это время как раз и произошли совершенно непредсказуемые события. Кто-то постучал в дверь. Доберман неуверенно поднял правое ухо, но со своей лежанки не встал.

Открывать, естественно, пришлось мне. На пороге стоял эффектный молодой человек в модном пуховике, теплых джинсах и вязаной шапочке. На вид обычный упакованный турист, изучающий маршруты русской глубинки. Единственное, что должно было меня напрячь, так это отсутствие обуви.

То есть он был босой. Что слегка странно.

– День добрый. Чем могу помочь?

– Позвольте войти? – вежливо спросил гость.

– Ради бога. – Я широким жестом пригласил его в дом.

Он быстро прошёл в комнату, и только по рычанию Гесса я вдруг резко понял, что, кажется, допустил ошибку. Нельзя распахивать двери перед тем, кто отвечает вопросом на вопрос.

Красивый молодой человек лет двадцати трёх – двадцати пяти, с классическим римским профилем презрительно сплюнул в сторону скалящего клыки добермана и щёлкнул пальцами. В тот же миг на плече у него материализовался крохотный зелёный бес.

– Этот, амиго? – Гость кивнул в мою сторону.

– Да, – противно пискнул бесёнок.

– Ты труп, человек, – объявил мне резко выросший, под два метра ростом, настоящий чёрт.

Абсолютно голый, мускулистый, на сильных ногах с раздвоенными копытами и впечатляющими рогами на голове. Драка началась без предупреждения.

Первый удар я пропустил, второй и третий тоже, хотя чёрт бил наотмашь, без малейших изысков, словно просто пыль из меня выколачивал. Гесс храбро бросился вперёд, сцепив зубы на хвосте нечистого.

Это дало мне секунду на размышления и попытку применить в бою навыки отца Пафнутия. Только то, что отлично получалось у него, совершенно не выходило у меня. Я честно старался, но чёрт методично продолжал моё избиение, явно растягивая себе удовольствие.

– Значит, бесогон, да? Как лё петит гарсон обижать, так вы все храбрые. А подрасться с настоящим пацаном силёнок не хватает или храбрости, кретино руссиано?!

Он впечатал меня в стену и попытался стряхнуть Гесса, но если этот пёс сомкнул челюсти, так запросто его не отцепишь.

– Пришибу, собака сутулая!

– Кусь, – прорычал доберман, не размыкая клыков.

Болтливый чёрт-полиглот взмахнул кулаком, целя ему в лоб, и мне каким-то чудом удалось подставить по удар первое, что попало под руку.

Икона Николая Угодника разлетелась в щепки, Гесс рухнул мне на грудь, а бледный нечистый начал кругами носиться по потолку, воя от боли в переломанной руке. Думаю, если бы только он поменьше орал, то, наверное, догадался бы побыстрее убить нас на месте.

А так слева из-за ножки табурета вдруг высунулся весёлый оранжевый бес, показав мне язык, и я автоматически хлопнул по нему ладонью. Всё правильно, свет погас...

Глаза я открыл уже совершенно в другом месте. Белый потолок, чистые окна, бледно-зелёная стена, аккуратная и чистенькая больничная палата, мои вещи сложены на стуле, и верный доберман тихо сопит в углу на маленьком цветном матрасике из «Икеи».

Я сам лежу на жёсткой кровати под клетчатым одеялом, рядом небольшой столик, на нём кувшин с водой, стакан на блюдечке и кнопка дистанционного вызова врача.

– Гесс! Гесс, ты спишь?

– Сплю, – не поднимая головы и не открывая глаз, ответил он.

– Где мы?

– В медицинской клинике. Так написано, я видел, я читал. Тебя чёрт побил, а я его кусь за хвост! Хорошо так кусь, до кости. Потом ты по бесу хлопнул, и мы тут.

– Понятно. – Я слегка поёжился, и тело отозвалось затухающей болью.

Значит, ничего не сломано, сотрясений нет. Та рогатая сволочь просто не успела войти во вкус, иначе бы это добром не кончилось...

– Никогда больше не буду драться с чертями.

– А я буду, – вдруг резко поднял морду упрямый пёс, лапой отодвигая миску с водой. – Я его кусь, кусь, кусь, он орал, я храбрый, я герой, я хороший мальчик! Кто хороший мальчик? Я, я!

Мне захотелось на минуточку заткнуть уши, чтобы не слушать этот бред, Гесс хвастался, словно индейский вождь на свадьбе, он, как и большинство собак, был верен устоявшемуся принципу «хвали себя сам, тогда и другие похвалят».

– Что ты молчишь? Я же хороший, скажи.

– Мне нужно отдохнуть.

– Нельзя отдыхать! Собаченьке скучно и одиноко, – тут же вскочил он, виляя так называемым хвостом. – Погладь мой зад! А я тебе лапку дам и лизь!

– Гесс, я уже почти сплю.

– Два раза лизь! Три раза! И ещё сюда Марта заходила...

А вот тут стоп, здесь хотелось бы подробностей. Мне не удалось скрыть своего интереса, а хитрый пёс сразу это почувствовал:

– Гладь!

– Я глажу, ты рассказывай.

– Да-а... – мечтательно простонал он, пока я наглаживал этого шантажиста с кожаным носом. – Тебя санитары принесли, двое, один большой, другой старый. Потом она пришла, красивая, стояла тут, я ей руку лизь... эй?

– Глажу, глажу, прости, задумался, – опомнился я.

– Она меня не гладила, боится собаченок, – со вздохом сообщил доберман, опустив уши. – А я её ни разу не кусь. Лёг, лежу, она на тебя смотрела. Потом тебя гладила-а! Так нечестно! Ты её не лизь, а она тебя по руке гладила, ггр...

– Марта ничего не говорила?

Гесс отрицательно помотал головой. Я гладил его ещё пару минут, пока двери беззвучно не распахнулись и на пороге не появился немолодой мужчина в белом халате.

– Добрый день, как самочувствие? – улыбнулся он.

– Спасибо, вроде бы ничего.

– Отлично, значит, скоро на выписку. Могу поинтересоваться, где вас в бетономешалку засунули?

– Под Архангельском, село Пияла, дом отца Пафнутия.

– О-о, – чуть удивился врач, считая мне пульс на запястье. – Знаю его, в своё время в одном взводе служили в Афгане.

Я подумал, что мой наставник, видимо, действительно легендарная личность, если, кого ни спроси, все его знают. Меж тем доктор счёл осмотр удовлетворительным, посмотрел на часы и, похлопав меня по плечу, повернулся на выход.

– Простите, – опомнился я. – А Марта больше не зайдёт?

– Какая Марта? – не понял он. – Здесь дежурят медсёстры Катя и Светлана, если что-то понадобится, нажмите кнопку.

– Марта – это такая рыжая девушка с круглым лицом, в очках, приходила вчера...

– Я, конечно, уточню на вахте, но... Посторонних в это отделение не пускают.

– Понимаю.

– Но, если это родственница или там, допустим, невеста, – мягко улыбнулся он, – меня зовут Николай Вениаминович, я здесь главврач, так что мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо огромное!

Пёс вскочил и радостно замахал коротким хвостом. Доктор спокойно потрепал его по холке и вышел.

– Он любит собаченек! Я его догоню и лизь! – Доберман вымелся из палаты, стуча когтями по полу, как конь подковами.

Примерно через час пришла строгая пухлая медсестра. Мне вкололи что-то с непронизносимым названием в плечо и ягодичную мышцу. Потом подали обед – куриный бульон без единой капли жира и две паровые котлетки с рисом. Всё несолёное. По врачебной диете.

По-моему, собачий корм у Гесса и то пах гораздо аппетитнее. Поймав мой взгляд, доберман глухо зарычал и развернулся задом, прикрывая свою миску, то есть давая понять, что делиться не намерен. Пришлось, как всегда, отнестись к этому философски.

Но не успел я даже вполтину справиться с этой безвкусной, хоть и, несомненно, полезной больничной кашницей, как из прикроватной тумбочки раздался монотонный дребезжащий звук.

Мой пёс даже ухом не повёл, а я опустил руку вниз, выдвинул ящик, обнаружив на дне его маленький сотовый телефон, вибрирующий на беззвучном режиме. По идее, мне никто не должен был звонить, телефон не мой, и, как он попал сюда, тоже не знаю. Поэтому, не заморачиваясь, я нажал зелёную клавишу «принять».

– Бесобой?

– Ох, не знаю. Думаю, здесь возможны вариации, всё-таки бесогонны и бесобои немножечко разные по специфике, хоть и родственные профессии. Кстати, я бы ещё поспорил, можно ли относить наш род занятий к профессиональному...

– Тео, философ-гот, ты, что ль?!

– Вообще-то Тео – это для близких друзей, – на всякий случай напомнил я.

– Да помню, помню, не лечи, – устало огрызнулся голос в трубке. – Тут двое наших запарились в Самарканде, нашли гнездо шайтанов при «проклятой» мечети и... Короче, помочь сможешь?

– В каком смысле?

– Ну, подтянуться на разборки, твою же дивизию! Обычное дело по Системе, сегодня ты помогаешь, завтра тебе – один орден, одно братство.

– Это да, но, как бы сказать, я на данный момент в больнице, поэтому... – Договорить не удалось, потому что сытый Гесс вдруг резко решил пообниматься, одним прыжком кинувшись мне на грудь.

– Будь спок, в объяснительной так и укажем, – завершил разговор незнакомец и, видимо, нажал красную клавишу на своём сотовом.

Потому что я лишь успел услышать слабый шелчок...

... а спустя мгновение открыл глаза посреди площади средневекового восточного города, словно сошедшего со страниц бессмертной «Тысячи и одной ночи». Лысина Сократова, да что ж тут такое творится? Как они это делают?!

Меня оглушил шум базарного дня, рёв верблюдов, ржание лошадей, неугомонный рокот толпы, высокое пение муэдзинов и общая расслабленная атмосфера поэтической безнадёжности перед властью Аллаха и диктатом султана. Восток нельзя понять с наскока.

Это не просто навязшая в зубах «штука тонкая», но в первую очередь золотое марево солнца в ожидании спасительного сияния луны. То есть мир наоборот, когда день – это смерть, а ночь – надежда на спасение. По крайней мере, нас так учили, и я накрепко запомнил, что до заката любой шайтан втрое сильнее, чем после.

Только какого пьяного Фрейда меня сюда засунули, когда по факту мы и договориться-то ни о чём толком не успели. Я даже не знаю, кто именно мне звонил!

– Лизь тебя, – объявил стоящий сбоку от меня лопухий серый ослик.

Экстренно протерев глаза, я увидел того, кого и должен был бы. Не то чтоб очень хотел, но, видимо, куда от него денешься.

– Значит, ты выглядишь как осёл.

– Сам ты осёл, – надулся Гесс. – Обижаешь собаченьку.

– Воистину, почтеннейший, как же можно назвать его ослом, – не сдержался проходящий мимо дехканин, и пёс радостно воспрянул. – Когда это натуральный ишак!

Доберман клацнул зубами, мгновенно оторвав рукав халата незадачливому специалисту-зоологу. Тот только ахнул...

– Шайтан, а не ишак!

– Вот ещё раз меня так обзовёшь, и я тебе половину ноги кусь.

– Шайтан в образе говорящего ишака-а! Слушайте, люди, здесь правоверного кусь! Куда смотрит стража эмира-а?!

– Какой болтливый тип, – буркнул мой пёс вслед убегающему дехканину. – Его врачу показать надо, он нервный и легковозбудимый. Два укола и клизму.

– А-а, тебя тоже так лечили, – догадался я.

Осёл обречённо кивнул и повесил уши. Я погладил его по голове, Гесс завилял хвостом.

– Знаешь, в детстве мне очень хотелось попасть в какую-нибудь сказку. – Опустившись на одно колено, я обнял моего добермана, а он вылизал мне лицо. – Спасибо, но больше не надо, ок? Люди смотрят, а для них ты осёл или ишак. С чего я начал? Да, так вот, путешествия по разным мирам – это, конечно, мечта, но прямо сейчас, когда меня неизвестно как уволокли с больничной койки и выкинули на жару кого-то искать, чтобы кому-то помочь, оно уже и не айс, верно?

– Уважаемый, – вдруг меня тронули сзади за плечо, – мы видим, что ишак лижет ваше лицо. Зачем он так делает, а?

– Обычная лечебная процедура, – не оборачиваясь, пояснил я. – Пот человека солёный и разъедает кожу, а ослы любят лизать соль. Это спасает меня от морщин.

– Сколько же вам лет, почтеннейший? – спросил ещё кто-то.

Пришлось встать и обернуться.

– Мне сто сорок шесть.

– Ва-ах, а на вид не больше пятидесяти?! Воистину ослиная слюна обладает чудодейственным эффектом, – завистливо заметил весьма пожилой мужчина в чёрных одеждах. – Меня зовут ростовщик Джафар, о почтеннейший чужеземец, скажи: а может ли твой благородный ишак облизать и меня? Я заплачу полтаньга!

– Десять таньга и миска жирного бараньего плова, – не задумываясь, потребовал я.

Не буду грузить вас деталями торгов, но примерно через пятнадцать минут сытый и довольный доberman облизывал всех желающих по очереди, наполняя мой кошелек, а я наконец смог выяснить, где находится та самая «проклятая» мечеть.

Оказывается, она была за городом, в развалинах старого иновещеского квартала. В своё время пламя войны выгнало с насиженных мест много народа и те, кому было позволено, селились за крепостной стеной Самарканда. Разумеется, не все переселенцы были магометане.

А чтобы обратить мигрантов в истинную веру, было решено поставить там небольшую мечеть с четырёхметровым минаретом. Однако что-то не заладилось, люди приходили и уходили, их косили болезни и обирали разбойники (ну и чиновники в большей мере), так что сейчас в заброшенных развалинах гулял ветер, а по ночам были голодные шакалы. Но что хуже всего, мечеть захватили шайтаны. Бессчётное множество шайтанов!

Так что теперь никто не рисковал подходить к «проклятой» мечети после захода солнца, да и при свете дня самые отчаянные храбрецы находили более безопасное место, где можно было с почётом сложить голову. Но, как мне рассказали, всё равно пять-шесть голов было сложено именно там! Потом сообразили, остановились, стали предупреждать прохожих, восточные люди быстро учатся, с шайтанами связываться – дураков нет.

– Я больше... ик... не могу!

– Дожи тех, кто заплатил, а потом резко валим, – согласился я, поскольку язык Гесса уже явно распух и не помещался в пасти. – Всё, всё, всё, правоверные! На сегодня лечебные процедуры закончены, записывайтесь в очередь на завтра. Ишак тоже человек, ему отдых нужен, имейте совесть, не напирайте, завтра – значит завтра!

Не менее получаса мне пришлось успокаивать раздосадованную публику, не брать аванс, не пускать вне очереди, не покупать на «вот ему двадцать таньга, и пусть лижет прямо сейчас, лопухая сволочь...».

Я с трудом отбил усталого пса от навязчивой публики, жаждущей немедленного омоложения путём вылизывания, и увёл его на окраину, где мы смогли сесть у дешёвенькой придорожной чайханы.

Хозяин вынес нам глиняную миску воды, и доberman молча опустил туда язык. Даю слово, что вода зашипела от перегрева.

– Сваливаем по-тихому, – предложил я. – Нам ещё до «проклятой» мечети километра два топать.

– Я не дойду... у собаченьки ножки устали... всех лизь.

– Ты же не ногами их лизал.

– Нет, языком лизь. Язык весь солёный, тьфу... Ты меня не пожалел и не погладил!

Ок, лысина Сократова, Декарт мне в печень, я честно гладил этого нытика ещё, наверное, минут десять. Когда пёс расслабился и решил, что гладить его будут вечно, мне оставалось лишь вновь вернуть окружающий мир на круги своя.

– Всё, подъём, эпикуреец, со всех сторон нас ждут великие дела. Надо двигать к одной мечети, захваченной шайтанами.

– Это кто?

– Это такие восточные бесы.

– Я их кусь?

– Не возражаю.

Придя таким образом к взаимоустраивающему консенсусу, мы толкнулись лбами и направились по указанию нервного чайханщика за городскую стену.

– Вах, зачем туда ходить? Не надо туда ходить, плохое место, нехорошее, не подобающее мусульманину. Аллах всё видит и то туда не ходит, вай мэ...

Как вы понимаете, тем не менее мы высокомерно наплевали на добрый совет порядочного человека и пошли. Стражи без проблем выпустили нас за стену, им же хлопот меньше.

То есть по традициям того времени слуги закона отвечали за порядок в городе, но не за его чертой. Тем более в ночное время суток. А как известно, рогатые шайтаны, в отличие от рождённых в чистом пламени джиннов, предпочитают ночную прохладу.

Когда впереди, в густых зарослях, начали проявляться неровные очертания развалин и косо срезанный столб минарета, осёл встал как вкопанный, прижав уши и упираясь всеми четырьмя копытами.

Когда умрём мы раз и навсегда,
Страшна не смерть, а ожиданье смерти.
Я – глины ком, и, коль уйду, поверьте,
Найдётся тот, кто скажет – не беда.
Толкнёт мой прах ногой высокомерно:
Был ли Хайям? Да не было, наверное... –

прикрыв глаза, по памяти процитировал я.

Гесс повёл большими ушами, делая вид, что вслушивается, но вряд ли хоть что-то понял. В его чистом незамутнённом собачьем мозгу не было места для пустых философствований о жизни и смерти. А смысл?

Он искренне наслаждался каждым миготом своего существования, категорически отрицая тот факт, что когда-нибудь должен будет умереть от старости. С точки зрения добермана, жизнь вечна! И согласитесь, в этом плане он, не задумываясь, просто подтверждал основные постулаты ведущих отцов церкви.

Хотя сейчас речь не об этом, верно? Поднимем эту тему в другой раз.

Я слегка шлёпнул зевающего ишака по заднице:

– Ну что?

– Что? Где? Кто? Кого кусь?!

– Это я тебя хотел спросить, спящая красавица. Нас выгнали сюда, чтобы мы помогли другим бесогонам справиться с местными шайтанами.

– И чего? Я не подписывался другим помогать. Я только тебе помогаю, ты хороший, ты меня гладишь, бубликами делишься, гуляешь, играешь... На тебе лапку!

– Гесс, чтоб тебя! – рявкнул я вполголоса, потому что сгущающиеся сумерки навевали тоску. – Просто принюхайся и скажи, где ещё тут есть люди? Кто-то же нас здесь должен ждать?

Доберман резко опомнился, вспомнил, что всё-таки он собака, а не ишак, и после минутного принюхивания на все четыре стороны сообщил:

– Людей нет. Ты один. А бесы есть, они вонючие, и много бесов. Мы их кусь?

Собственно, ответить я не успел, за нашими спинами раздался надрывный, берущий за душу вой. Ни человек, ни животное наверняка не могли бы издавать такие звуки.

Гесс ломанулся вперёд сквозь заросли так, что только копыта сверкали. Я, естественно, бросился за ним – не терять же в чужом мире перепуганную собаку. Не говоря уж о том, что, если я без него вернусь, отец Пафнутий с меня три шкуры спустит, и будет абсолютно прав!

Догнать удирающего добермана невозможно, даже будь вы чемпионом мира по бегу по пересечённой местности. Поэтому когда я, задыхаясь, выбежал на небольшую площадку, выложенную старым кирпичом, то увидел такую жуткую картину, что сердце замерло...

Мой осёл (ишак, пёс, друг...) сидит на хвосте, вжимаясь спиной в остатки стены, а вокруг него, скаля зубы, пляшут пятнадцать или шестнадцать юрких бесов восточной наружности.

Я поясню, да? Поверьте, нечисть отнюдь не одинакова во всём мире, чаще всего она приобретает национальные черты тех народов, близ которых обитает. Так сказать, проникает в жизненную среду. Эта имела чётко выраженный азиатский типаж.

– Пошли на хрен! – громко выдал я, категорически не зная, с чего ещё можно начать разговор. – Это мой пёс! Кто его тронет, тот труп. Вопросы?

Хм, несмотря на повисшее молчание, видимо, вопросов у рогатых, узкоглазых и плоскомордых неграждан Самарканда было множество.

– Кто ты, о глупейший или храбрейший человек с ослом? Возможно, твоё имя Насреддин?

– Нет, – не стал врать я, ибо было бы просто непорядочно (да и небезопасно, кстати) прикидываться живой легендой всего Среднего Востока, Индии, Персии, Булгарии и Татарстана.

– Не Насреддин, – удовлетворённо переглянулись шайтаны.

Видимо, мой ответ их несколько успокоил.

– Но, быть может, ты друг Насреддина, великий Багдадский вор Лев Оболенский?

– Вообще не в курсе, кто это такой, – пожав плечами, признался я.

Самый тощий из шайтанов, с косящим взглядом и паркинсоном на всё тело, вдруг осенил себя широким крестным знамением. Его неслабо потрянуло электрическим разрядом с высоких небес, но, видимо, имя Оболенского было страшнее.

– Тогда, о человек с ослом...

– Некоторые утверждают, что это ишак.

– ...о человек с ишаком, мы тебя съедим! – хором заверили нечистые.

– Минуточку, – резко опомнился я. – А у вас тут разве не должно быть двух-трёх бесобоев из России?

– Кто такие, э? – переглянувшись, искренне удивились шайтаны. – Мы не видели, не знаем, почтеннейший. Нам кушать пора.

– Получается, меня подставили?

– Какая тебе теперь разница, уважаемый, вай мэ...

После чего началась лютая месиловка!

Шайтаны ростом не выше метра с кепкой, но жутко ловкие, зубастые, а когти у них с таким количеством песка и грязи, что лишь одна скользящая царапинка – и лови заражение крови.

Традиционные сорок уколов в живот от бешенства уже не спасут, даже великий Авиценна признавал своё бессилие перед укусом шайтана. Поэтому выбора у нас не было абсолютно никакого, как и времени на раздумья...

Первому же оскалившему зубы я наотмашь скособочил челюсть знаменитым хуком отца Пафнутия. Остальные трепали меня, как хотели, пока в дело наконец-то не включился бодрый Гесс. Ну-у как включился...

Сначала он просто сидел, поджав хвост и выпучив глаза, пока один из шайтанов, роя задним копытом землю для разбега, случайно не выворотил какую-то доску. Глаза пса загорелись.

Я успел прокричать:

– Палка! Неси мне, поиграем! Ай, сволочь кусачая, на тебе-е...

Верный доberman не смог сдержать душевных порывов и храбро принёс мне в зубах кусок деревяшки, которым я и взмахнул от души:

– Заполучи, фашист, гранату!

От удара доской в лоб шайтана подкинуло почти до луны, где он и рассыпался чёрным пеплом с душераздирающим визгом. Типа прям вот так. Я ничего не понял.

Другие нечистые тоже. Поэтому, пользуясь ситуацией, страх за свою жизнь отправил меня в наступление, более похожее на истерическую панику.

– Всех убью, один останусь!

Гесс восторженно лаял и наконец-то догадался слегка отвлечь врагов с тыла. То есть кусь клыками за хвост – это, мягко говоря, заставляет забыть о многом и, матюкаясь на древнеа-

рабском, хотя бы обернуться. А тут и я с достойным ударом проверенной доской по нечистому затылку!

Вдвоём мы уложились в шесть-семь минут, хотя, конечно, последнего шайтана гоняли, наверное, кругов пять вокруг развалин мечети, пока я-таки не врезал ему в прыжке по порочной волосатой заднице.

– Всё? – обиженно сдвинул жёлтые брови мой пёс, поднимая торчком ослиные уши. – Они кончились? Так нечестно! Мы только начали играть. Хочу ещё шайтанов. Я их кусь!

– Боюсь, что нам на сегодня достаточно...

Даже не уверен, что это были мои слова.

Голова кружилась, всё тело горело огнём, видимо, меня не один раз зацепили. Уже несфокусированным взглядом я отметил незнакомые буквы на узком обломке доски²:

Возможно, это как-то помогло мне в драке. Хотя вряд ли, тут главное крепость и вес дерева, а то, что на нём написано, наверное...

– Эй, эй, ты чего?! Нельзя падать! Хочешь лапку? На. Хочешь две? Я тебя лизь, лизь, лизь...

В общем, как вы, наверное, догадались, в себя я пришёл уже в бинтах на той же самой койке под бдительным присмотром Николая Вениаминовича. Главврач без сантиментов сообщил, что я упёртый мазохист, что он не потерпит, чтобы его больные сбегали неизвестно куда, возвращаясь битыми-перебитыми, что от абсцесса меня спасло только чудо и в следующий раз он даст указания тупо накачать меня феназепамом, чтобы я лежал и не дрыгался!

Честно говоря, у меня даже не было сил, чтобы извиниться за своё неподобающее поведение. Мой доберман вообще делал круглые глаза, изо всех сил демонстрируя, что уж он-то был против, но я его не слушал. Мерзавец остроухий.

Декарт мне в печень, да он продался с потрохами, одним скулежом и жалобным взглядом заставив главврача втихую приносить ему разные вкусняшки. Хотя общеизвестно, что ни в какой больнице вам не позволят держать рядом собаку. Видимо, здесь можно было многое.

Зато на следующий день меня навестила Марта. Она была в строгом длинном платье в пол, на плечи наброшен белый халат, а на шее рокерский платок с символикой группы «Эпидемия».

Убейте меня здесь же, если я знаю, что это за ребята и о чём они поют. Но раз она это носит, то, наверное, что-то в этом есть. Нужно будет потом поискать в Ютубе.

– Фёдор Фролов...

– Тео, – напомнил я.

– Ну, норм, пусть будет Тео, – неожиданно легко согласилась она. – Я в курсе всего произошедшего. Шутников уже наказали. Но как же вы, образованный, трезвый человек...

² Нет бога, кроме Аллаха (араб.).

– Не всегда трезвый, – честно признался я. – Учёба у отца Пафнутия включает некие дозы потребления алкоголя, чтоб лучше видеть бесов.

– ...трезвый человек, – совершенно не слушая меня, продолжила девушка, – могли купиться на такой детский развод?

– Мне показалось, что меня попросили помочь.

– Когда кажется – креститься надо и читать «Отче наш», а не бегать по Востоку, гоня местных шайтанов. – Она аккуратно присела на край моей кровати, и укусила меня Фрейд за ногу, если это не было невероятно возбуждительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.